

Евгений Козлов

ЦЕЛОМУДРИЕ МИРОЛЮБИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

ТВОРЕЦ

16+

Евгений Александрович Козлов

Целомудрие миролюбия.

Книга первая. Творец

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64768657
SelfPub; 2021*

Аннотация

Роман "Целомудрие миролюбия" состоит из трех книг, которые различны и самодостаточны. Первая книга "Творец" – это философская притча о происхождении человеческой души. Вторая книга "Перводевственник" повествует о девственности, как о добродетели, эта книга рассказывает о том, как живут взрослые девственники в современном мире. Третья книга "Миротворец" продолжает пацифизм второй книги, более подробно повествуя о миролюбии. Все три книги теистические. Читатель может прочесть все три книги, либо может прочесть только одну из них, в зависимости от своих интересов. Однако читателю нужно помнить, что, исходя из своего названия, данный роман прежде всего рассказывает о целомудрии и миролюбии.

Содержание

От автора	4
Мироустройство нарисованного мира	6
Глава первая. Творец и муза	21
Глава вторая. Тайновидец	63
Глава третья. Вековое древо	76
Глава четвертая. Мирозерцание	85
Глава пятая. Жизнетворчество	96
Глава шестая. Размышления о вечности	109
Глава седьмая. Богоявление	115

Евгений Козлов

Целомудрие миролюбия.

Книга первая. Творец

От автора

Изначально мною были написаны три повести, которые однажды я решил объединить в одну книгу, и назвал я ее Целомудрие миролюбия. В 2021 году я понял, что такая объемная книга может существовать, но лучше будет поделить ее на три тома, так как сейчас она затруднительна для прочтения. С тех пор, как все три повести были написаны и опубликованы, мое мировоззрение не кардинально, но изменилось. О чем я написал в своей книге Агнозис. Поэтому некоторые мысли и смыслы данных книг мне не импонируют, в особенности их теизм. Впрочем, персонажи, которые я придумал, могут быть разными и потому они различаются своим мировоззрением, они обречены оставаться теми, кто они есть. Я же в свой черед, постоянно совершенствуюсь. Я остаюсь всё тем же пацифистом, девственником, трезвенником и вегетарианцем. Когда я пишу о девственности и пацифизме, я знаю, о чем я пишу и о чем я когда-то писал. В книге Творец

я повествую о происхождении человеческой души.

Мироустройство нарисованного мира

Воистину душа бессмертна, ибо ведаёт она о горней вечности уготованной ей благим Творцом, замысленной до начала сотворения времен и создания эфирных пространств. Ведомая вечными далями, не омраченная и не пристыженная суетной тленностью, она превосходит доброй красотой и небесной чистотой своей всё сущее на земле и на небе. Душа приснопамятно созидает в сосредоточении эмпирического ядра не только память первичную и вторичную, образную и символическую, словесную и экзистенциальную, но также располагает чувственными пламенными волокнами, пульсирующими на орбите парящего туманного эпицентра вечного жизненного свечения. Ибо душа напоминает собою земное или небесное светило, не по внешним качествам она такова, но своею ослепительностью и своею теплотой душа схожа с космологической звездой, отчего нередко звезд наделяют душевностью. Известно, что всяческий свет наделен зримой формой, широта которой определяется силой свечения, однако оное неподатливое свечение души не зависит от предметов и материй на неё влияющих, наоборот, именно душа довлеет над бытием. Так обнаруживается различие меж-

ду свечением прерывистым и цикличным, от свечения естественного душевного по сотворению бесконечному и беспредельному. Таково на данный момент краткое внешнее описание души, к коему в продолжении рассуждения повествование обязательно вернется. Прежде чем к тому приступить, следует пояснить, каким таинственным образом происходит слияние души с материальной плотью посредством духа. Находясь вне тела, как и в самом теле, душа, полноценно совмещает в себе сложное строение главенствующих отделов жизнедеятельности, не жизненной биологической, а личностной духовной. Ибо жизнь души сообразна в естестве, в своем естественном начале личность уникальна и неповторима, она целостно живет в гармоническом взаимодействии с окружающим её миром. Когда Творец помещает душу в зиготу, в то слияние двух родительских клеток, то немедленно душа приспособляется к текущей жизненной особенности, сливается с данным малым телом, и по мере возрастания плода, с усложнением строения той плоти человека в утробе матери, устройство души начинает перемещаться на определенные места в организме. Так чувственные всполохи отделяются от ядра облачной субстанцией, дабы поселиться в сердце человека, отсюда становится понятно, почему любовь, как и иные внешне и внутренне выраженные чувства, связывают с сердцем, обида то или грусть, радость или огорчение, умиление и иные чувства кои все не перечислить. В то же время двигательные опоры, напоминающие собою ме-

дузу, устремляются в подрастающие члены человека; мыслительное свечение переходит в голову, посредством которой человек вольно и невольно созерцает, слушает, вкушает, обоняет, в общем, принимает отрицательную и положительную информацию, влияющую на всю его жизнь. Здесь стоит сделать ремарку, поясняющую то, что человек мыслит не телесной головой, но мыслящим личностным отделом души, который можно назвать словом – личность. Оное свечение обладает определенным цветом, вернее цветовым оттенком, отчего уникальность каждой личности неоспорима, общий цвет может совпадать с другими, однако индивидуальность цвета безусловна и безупречна в красоте индивидуальности. Отсюда возникли такие художественные описания свечения души, как то аура или же иными словами описывается свечение всего человека исходящее изнутри, к примеру, часто изображается нимб святости над головой святого человека, такое происходит, когда цвет личности преобразуется, приобретает золотистый небесный оттенок, и то преобразование также разнится по славе и яркости. Ядро души остается в груди человека примерно в области солнечного сплетения, оно схоже с сосудом, в котором жительствоует дух, без коего душа была бы мертва и бессмысленна. Со временем душа свыкается с оным своеобразным “растягиванием”, и по исходу из тленной плоти порою не спешит принимать “сжатый” вид, оставаясь в земном облике. Отчего правдивость прихода или явления душ покинувших земные пространства,

вполне обоснована, оные души являются наяву либо во снах в привычном для нас обличье, дабы не смущать наше порою простодушное недалёкозоркое зрение. Она естественная трансформация души определена только для человеческой плоти, никакие иные тела, животные то, или древесные, не способны принять, слиться с душой человеческой. Здесь явлена ограниченность души, в то время как Творец, сотворивший её, способен управлять всем вещественным, духовным и эфемерным. Душа подвластна над многим, но не властна над Божьими законами, которые мудро распределяют эфиры и материи. Нередко части души дерзновенно противоборствуют между собою, подобно сему порою личность не согласна с сердцем, а члены готовы двигаться, не смотря на согласие усталого разума. Вот описано главенствующее строение души, иное мало изучено, либо малозначительно в сравнении с представленными выше схематичными построениями.

Божественный Дух наделяет душу благостью и любовью, обогащает добродетелями, Он наделил каждого человека свободным волеизволением, посему мысль человеческая вольна, а чувства его обширны спектром насыщенного диапазона чувствительности. Только передвижение души обусловлено провидением, потому самочинное устремление всегда карается наказанием отпадения от Божьей благодати, ибо душа, отказываясь от жизни, утрачивает смысл в вечности, потому-то и покидает плоть насильственно, злоречиво

насмехаясь над жизнью, переча ей отрицанием. Будто слабый светлячок в ночи, она упрямо светит, но развеять мрак не может, она не в силах совладать с собственной тьмой, ей одиноко без Бога, она гаснет, отказываясь от надежды, не дождавшись рассвета. Иной светляк возжелает стать луной, светоотражающей, любострастной, воспитанной в духе классицизма в самом начале Сотворения. Таково естественное влечение души благородно творческой, она, ненасытно поглощая красоты мироздания, нежась в божественных лучах, принимает не только одухотворенные Божьи замыслы, исполненные тайной покорностью неизъяснимого жизнеописания. Но также вдыхает вдохновенье насыщенное красочными видениями или смутными иллюзорными набросками полночных сновидений, тех иносказательных нег. Ревнующими, либо тревожными явятся оные, минуя тюремные заслоны и границы реальности, ограниченной человеческим восприятием и покорностью земному бытию, но подвластной скромности откровения. Тогда только появится вдохновение, вернее сказать – зародится в творце. Божественный Творец наделил человека не разрушающей силой, но волнением созидающей силы, по мере насыщения вдохновением она начинает стихией неуправляемой бушевать в душе, это колебание воли и одного оного содрогания вполне достаточно для полноправного создания, для любования сотворенным при окончании, для поклонения и благодарения Творцу Вдохновителю. Только человек по Божьему произволению

во всем мироздании способен творить. Творческий человек не подобен безгласным животным, которые закономерно инстинктивно строят или разрушают, ведь они покорно исполняют защитительно оборонительное действие, либо насильственное воздействие на агрессивный окружающий их мир. Человек же подобным примитивным образом не поступает, он мыслит иррационально творчески, создает искусство не для материальной пользы и выгоды, но ради осознания и восприятия духовного смысла и внутренней красоты. Он преобразует, дополняет, пытается совершенствоваться, восхищается, боготворит, сами ангелы служат ему беспрекословно, или некоторые из них отпадают от служения, тем самым не помогая в творении, но злобно переворачивая, искажая все его труды. Потому-то исключительно только человек подобен Творцу, ибо сотворен человек по образу и подобию Божьему. Образ – это душа, подобие – это совершенство разума, свобода воли, бессмертие любви. Из чего можно предположить, что Бог внешне может напоминать всевластную совершенную Душу, Дух – это душа, состоящая из безначальной бесконечной любви, которая животворит вечно. Однако сие предположение также не является доступным подспорьем к достоверному пониманию божественных тайн. Ибо для описания Творца не хватит языков и слов всего человечества, но в то же время достаточно одного слова – любовь. Впрочем, рассуждать о Творце необходимо с неподдельным страхом и сердечным благоговением, не с боязнью

и трепетом безропотного слуги, но с достоинством малого отрока наследника, коему уготовано Царство Небесное, если тот достойно возлюбит своего Господа и творения Его. Творец словно заповедует каждому человеку – завещаю оное богатство живому добродетельному, любящему, милостивому, благодарному наследнику, но тот отпрыск, растративший все дары господина своего, малодушный и своенравный, не отыщет в письме наследования своего имени, только избранные верные Господу блаженство небесное обретают. И избранность их не в принуждении, ибо мы все одинаково явлены в сей мир и сотворены для жизни вечной, но в свободном выборе человека заключается избранность. Влияние Творца на свободу человека может быть различно по мере дозволения, либо запрещения чего-либо. Когда жизнь человеческая испытывает своевольное послабление, когда заглушается совесть суетой мирской и жадой удовольствий, сие пагубное состояние души человек нередко нарекает свободой, мнимо гордясь отрешенностью от нравственных законов и правил, которые кажутся ему учредительным ограничением его действий. На самом же деле, добрый Пастырь пристально наблюдает за стадом Своим, даже если те разбрелись, заплутали бесстрашно, не опасаясь душегубов. Другие настолько охвачены властным правлением над их жизнями, отчего каждый их шаг или вдох будто разрешены, а не самостоятельны. Посему следует, что свободное волеизволение людское не есть сомнительное своенравие, но то есть воль-

ное и невольное подчинение провидению, осознанное или же неосознанное послушание нравственности. Ныне среди мирян и монашества можно встретить добродетельных людей отказавшихся от блуда, насилия, тщеславия, сребролюбия, винопития и мясоедения. Иначе говоря, смирение в добродетели водружается нерушимым столпом веры в мирном житии человека. Память о грехе прародителей по-прежнему жива в людях, о том грехе, который уже не властен над душами, грех сокрушен Спасителем, но память о том преступлении заповеди по-прежнему призывает многих к послушанию и смирению. Однако иные души-светлячки мечтают стать солнцем, разгораются гордостью и тщеславием, и то пламя адово гордого греха развращает души, сбивая с пути истинного. Гордому человеку, кажется, будто расширяются его возможности и преуспевания, в итоге приобретает он властность и дерзновенность супротив божеских сил, но не ведает тот гордец, что тем самым возвышением ниспадает он в бессердечие и ссужается мудрование его до размера одного всеобъемлющего чувствования, единой страсти – покорения других. И иные пагубные злодейства имеют сей корень зла, например зависть, ведь завистник желает безумно овладеть чужим предметом или же чем-то запрещенным, блудодействия также зиждутся на покорении чужого тела, а тщеславие призывает владеть умами и сердцами людскими. Перечень властолюбивых грехов велик, однако стоит помнить, что гордыня неминуемо приводит к падению нрав-

ственности. Столь печально мятежна порою, душа человеческая, отчего столь многолика судьба свободолюбивых светляков. Подобные святящимся кометам, они бороздят космические дали, странствуя по необъятным просторам Вселенной, то сталкиваясь, то разлучаясь, рьяно летят навстречу притяжения различных планет, многие из которых мертвы, ядовиты, смертельны, безжизненно одиноки, и только одна планета жива и имя ей – Земля. Множественны красоты сего земного мира, но они лишь блики отсветы мира небесного. Может быть, поэтому душа постоянно мечется, странствуя из мира в мир, из тьмы к свету, из простоты в мудрость, и будто не обрести ей покоя. Покуда не ощутит она в ядре своем дух, то любовное вечное свечение Бога, только тогда наступит в ней умиротворение в истине, ибо стяжание благодати есть искомое ею мирное блаженство.

Внутренне духовные связи циркулируют в душе эфирными мелизмами, одни укрощены и податливы, другие своевольны и непокорны, они раскрепощают разум воображением, либо оковывают цепями реализма, будоражат фантазию, знаменуя сверхъестественность происходящего. Известно, что жизнь всякого человека поделена на две жизни, жизнь души и жизнь тела, иногда над всем властвует душа в часы размышлений и умственных творческих трудов, иногда плоть отстаивает первенство, требуя питания или физической нагрузки. Столь хаотична жизнь человеческая, отчего она интересна и в то же время иногда крайне малопонятна,

ибо в ней всегда преобладает божественное вмешательство. Соединение судеб, сотворение чудес, обретение и утрата, всё сие устраивает Провидение, порою намекая нам о должном выборе. Ведь человек волен идти, либо стоять, смотреть, либо закрыть глаза, говорить, или молчать, умирать, или жить, минута промедления и былого уже не вернуть, будущность не изменить. И если человек избрал неверный путь, то стоит ли ему тогда винить в том Указатель путей и троп. Не мы ли воротились назад к пепелищу, зная о народной примете гласящей – “не строй на месте пожара новый дом, ибо и он сгорит”. Как и в грязи нельзя стирать белье, чище от сей глупости оно не станет, ведь порок подобен болезни, которой можно заразиться, или же не заразиться, но симптомы той тягостной хвори обязательно появятся у того, кто пренебрег советом совести не ступать на мертвую землю греховных прадедов. Пускай прошлое и дальше покоится на дне омута реки Леты, на её берегах мы дом счастья выстроим, на той девственной плодородной земле заживём мирно, где потомки найдут для себя прибежище покоя и мудрости величиной в одну светлую душу. Именно о ней потечёт рассудительная речь, ради неё нагромоздится повествование сего небольшого романа многочисленными притчами и письменами. Сей многострадальная книга совершит попытку высвободить полновластно образ и подобье Божье в человеке, также вселенскую истину преподаст, отворив затворенное и сохранив потаенное. Суемудрием нарекут оные воз-

вышенные строфы, либо добродетельным любостязанием. Взлетевшие речи до небес многие обзовут надменным суесловием, однако не ведают нерадивые чтецы, об изначальном мученичестве сей бесславной книги, которая проповедует и отчасти пророчествует, ибо ей предопределенно быть зеркалом.

Творя творение, творец познаёт перемещение в мир души и возвращение из оно́го, он ощущает воспарение возвышенное, реже униженное падение, и сим законом обусловлено всякое произведение. А призвание – это когда призывают к служению, к поприщу, к труду, налагают ответственность, возлагают бремя, когда творцу ниспосылают пространный туманный замысел, смысл коего весьма велик по силе созерцания. Именно тогда догматически выверенные языковые изречения начинают складываться в единый порою бессистемный резонанс сердца. Известно любопытно-смотрящим сплетникам, что искренно любящий человек схож с прокаженным, так скоро складывается его незавидный образ в умах людских. Слово́но тот иррациональный романтик болен неизлечимой болезнью, которая способна вогнать сердечного любовника в опрометчивое беспутство, творческое безумье, или же может воспламенить в нём бешенство нрава, либо способна вселить в него умиленный покой, то любовное умиротворение, ту тягу к идеалу и совершенству жизни. Таким образом, влюбленный человек кажется непредсказуемым, порывистым, не в меру деятельным. Становит-

ся целомудренным, ведь любовь научает верности, самоотречению, жертвенности, покорности Богу. Любящий человек словно освящён добротой, болен исцелением, жив жизнью, любим любовью. Посему целомудренный юноша вдохновлен дыханием самой жизни любимой девы. Подобно сему романтику, вдоволь насытившись самолюбованием, познает сей любящая книга безответность, гонение, бесчувствие читателя. Ожидает сей книгу чванливое памятозлобие мировоззренческих недругов, но при этом противлении ощутит она радостное поминовение, она не познает смертное забвение времени. Подлинная судьба творения неизвестна творцу до самого конца. Однако начало с доблестью положено, зарисовано и покойно близится к завершению.

Совершенное мироздание воссоздастся на сих ветхих страницах тайной рукописи, божественным созерцателем опишется вселенная одной уникальной души, без которой станут бессмысленны все планеты, звезды и небесные светила, станется бесполезным всё живое и мертвое без одного человека, жизнь коего бесценна, ибо душа бессмертна. О воскресенье всех Господь провозглашает, и, слыша ту истину святую, мечтает человек, радуясь мгновеньям счастья и любви, помня о том, что взор способен мирозданье преобразовать, умножая бесчисленные красоты мира. И о том буквенная речь не позабудет помянуть. Ведь перу творца суждено писать, оно, некогда бывши частью оперенья птицы, парило возвышенно в небесах, оно простирало землю, ощущая

северные и восточные ветра, оно побывало во всех странах и континентах, над всеми морями и океанами воспаряло. А кисть художника некогда была животной шерстью, древо отдало свою ветвь для её черенка. Но ныне все эти части мироздания послужат возрастанию таланта творца, дабы строфы сложились в прозаическую поэму, дабы сотворился роман о божественной любви, о животворящем дуновении, живущем в каждом человеке. Безграничные просторы глубинных и поверхностных размышлений ожидают благочестивого читателя, те мимолетные картины жизни кои заселены вышними образами пресветлых тайн повелевающих чувствами, взглядами, и помыслами автора. Их раскрыть откровением послужит просвещению.

Созерцание сего тайновидца улавливает нечто малозначительное, усматривает нечто невидимое. Оный мечтатель помышляет о непостижимом благе, его стиль – фантазматика реализма, он одновременно новатор и ортодокс. Протестуя супротив неестественного для всякого живого существа насилия естественным миролюбием, протестуя супротив неестественного для всякого живого существа блудодеяния естественным целомудрием, он являет творческую силу моралиста, который один способен противостоять злу, желает быть врагом греха, гонителем лжи. Ибо человек тогда истинно жив, когда влюблен в истину непоколебимой нравственности, в совершенство добродетели. Тогда все мировые события, людская суета, та брань и смятение, само насущ-

ное время, впрочем, и само земное бытие теряет всякую важность, значение, влияние, в сравнении с преображением одной души. Ибо в вечной любви Божьей не может быть смертного праха или скорбной памяти, любовь – это вечное сегодня, именно в этот грандиозный великолепный бесконечный миг и более никогда, и более чем всегда. Стоит помнить всегда о том, что не страницы книг хранят слепок души, но душа созидает тома безвременных гениальных сочинений.

Чтецом душевным зачитаю сей роман, сколь и положено творцу – любя своё творенье. На протяжении десятка лет искало сердце романтика прекрасный образ святости среди современных дев. Не о тщеславной и высокомерной, но о Музе вдохновительнице грезил сей мученик сердца, тот плачущий бард над сонетами бесславного поэта прославляющего кроткого художника. Молясь, взывая к Небесам, ожидал он встречи с той единственной, и не раз, обманувшись слепотой внешних красот, утративши надежду, будто позабывши дар творенья, его сломленные скорбью руки переставали шевелиться. Но от рожденья и до нынешнего дня, Богом сохраненная, безнадежному романтику была дарована певчая дева, она утешительница и целительница души страждущей не плотской ласки или же ответных любовных чувств, но к жизни праведной призывало девство его не убиенное. Отчего о душе светлой, теле чистом и беспорочном, вот о чем мечтал неисправимый мечтатель – о живом образе чистоты. Не о недостижимом небесном и не о сказочно книжном он гре-

зил, но о том духоносном образе родной и близкой девы. Ибо милостиво разрешено Творцом человеку созерцать Его творенья. Слышать их голоса, помышлять о них не с трагичностью во взгляде, но с благодарственным благоговением. Посему, не корысть, но любовь корень сего произведения пера. Годы страданий юности стались позади, ныне позволительно романтику целомудренно радоваться, наслаждаясь красотой добродетелей, возлюбив верно и непогрешимо образ девства в душе своей, также богоподобно творя бесславные творенья.

Нередко малые дети, впрочем, сколь и взрослые, разобщены по роду поведения, они могут быть разрушителями, либо созидателями. И на примере имеющихся у них игрушек можно различить и в дальнейшем продемонстрировать наглядно их поведенческие особенности. Одни ломают, разбивают сердца, другие склеивают и зашивают раны, первых можно лишь пожалеть и отругать, вторых похвалить и наградить добрым словом. Так поступают и с книгами, однако бесславный творец, обречен неведением о предстоящей юдоли своего рукописного творения. Судьба сего романа доколе неизвестна, но слава его станется столь же доброй и светлой, какова сама Муза, принеся в жизнь одного романтика столько мягкосердечия и сострадания, сколь невозможно вместить ни одной библиотеке. Слабо-бьющееся сердце творца является символом правды, подобно душе награжденной нетленным бессмертием вечности.

Глава первая. Творец и муза

Хриstopодобный мыслитель творец восторженно вглядывался серыми потухшими очами в палитру свежих красок затуманенного алого заката, отчего серость его глаз временами пылала подобно горящему пеплу, а зрачки угольками напоминали безвоздушную бездну космоса. Взглянешь и пропадешь в них навеки, подобно сему тени исчезают в ночи непроглядной и пасмурной. Смеркалось и одновременно возгоралось сердце юноши, чувствуя приливы странных разнородных мироощущений, казалось, вот-вот, тьма поглотит всё сущее, с алчной жадностью накроет беспросветной тенью пространство и остановит потоки времени. Ему причудилось на мгновение, будто солнце погибает, проливая на матово темно-синее небо кроваво-красные брызги, и только оранжево-темные переливы обличают его чувственное умозрение, ибо закатное зарево не пламя беспощадное и грандиозно непокорное, но огонь надежды угасающей, которой суждено явиться рассветом в иной горней жизни. Озабоченный сим прекрасным зрелищем, юноша буквально цепенел всем своим хрупким телосложением, повергался в умозрительный трепет, испытывая дрожь в беспокойных руках своих. Столь волнительно натужно билось любящее сердце в груди романтика, волною тревоги распространяясь по всему

телу его, снося всякую крепость уверенности и дамбу само-
мнения на пути следования волн страха и порывов сомне-
ний, напрямую связанных с намеченной ожидаемой встре-
чей. Ведь в скором времени мирозерцание творца долж-
на разделить светлоокая муза, свидание с которой намече-
но, в связи с неотложными делами девушки, на позднее вре-
мя суток. По причине ожидания, незабвенные воспомина-
ния поглотили душу юноши, в особенности чрезвычайно яр-
ко и драматично ему представилось их земное знакомство.
Он словно на краткое фантомное мгновение ощутил телом
своим всю ту неподдельную робкую дрожь речи, стыдли-
вость взора, ласковое смущение, грубую правдивость душев-
ного трепета. Одним словом – он мгновенно возродил лю-
бовное восхищенье в сердце своем, дабы встретить возлюб-
ленную с предпочтением достойного благородства, не легко-
мысленным любовником представ пред нею, но намеревал-
ся свидеться с уважением и заботой законного мужа. Пускай
его мечта о супружестве – есть плод голодного воображенья,
его целомудренное отношение к девушке облачено в свет-
лое и небесное покровительство. Пускай другие пустозвоны
сплетники и многоречивые лиходеи глаголют о них сквер-
ные басни, он ведаёт о целомудренности своих рук, которые
ни разу не прикоснулись к музе, ибо он чтит её первоздан-
ную чистоту красоты. Ведь она не просто внешне привле-
кательна, но истинно девственно красива, потому любостра-
стие не способно свергнуть благочестивого юношу в бездны

плотского грехопадения. Безусловно, сей благочестивая дева пленяет его творческое разуменье, начертательным видением соблазняя ежедневно. Так однажды, она, надев черное платье, облегающее её фигуру столь желанно и скульптурно гениально, привела созерцателя в неописуемый восторг. Отчего слабый сердцем юноша, обвороженный и одаренный сим видением ускользящей женственности, неминуемо соблазнился той грацией недвижимого цветка, но то прельщение походило скорее на прилив вдохновения, чем на греховное лобзание очей, ибо из доброго сокровища выносят доброе, а из злого хранилища черпают злое. После, испытывая противоречивые чувства, он полюбил сей деву всей душой своей и всем телом своим, ибо они одинаково вдохновенно содрогались, узревши тот, казалось ранее, непостижимый идеал девушки. Впрочем, и дух Божий не остался равнодушным к ней, всячески охраняя ее от двуличных и бесчувственных людей. Юноша не состоял в их прелюбодейном числе и радовался не своей исключительности, но своей одаренности, он славил не свои обширные таланты, а сердечную музу, которая есть Божий дар, ниспосланный во спасение души сего мятежного гения. Во имя любви истинной и непреложной, он будет любить оную деву всю свою жизнь, в том, насколько не сомневаясь, до сего года, он, казалось, плутал в лабиринтах заблуждений собственного сердца, видел лишь неясный призрак несбыточной мечты. Подобно страннику он в сонме иллюзий погряз, ища компасом сердцебиения ту

единственную возлюбленную. И в конце бесплодных исканий разумом обезумевши и творчески умерев, потеряв всю чувственность души своей, он был воскрешен несказанно любимой, нестерпимо родной и невозможно близкой девой. Спасен ею страдалец судьбы и поднят с колен мученик фатума свободного выбора, сей юноша стался озаренным приснодневным сиянием райского создания. После сего озарения можно со смирением принять исход души – философски порывисто помыслил юноша, ибо главное желание в его жизни заключалось в прозрении откровения совершенства, явленного образом прекрасной девы, чья святость для творца, осиянная непорочным девством, всегда непоколебимо безупречна. Подобно сему больной падает наземь, молитвенно рыдая горькими слезами, уминая коленями лечебные травы, подобно тому поэт мучимый муками творчества прячется со всеми своими бумагами в тени дерева, подальше от солнечной слепящей теплоты. Ибо им ведомо иное исцеление и иное просветление. Молитва на их устах и молитва в любящем сердце, горящей ярче и жарче всех звезд Вселенной, обжигает и заживляет любые глубокие сердечные раны. Подобно сему жизнь порою скрывает чудодейственное явление, дабы в подходящий момент использовать оное масло богодухновения ради поддержания горения неугасимой лампы любви.

Спаситель является светом миру, ибо мир темен и нуждается в свете божества. Также и в жизни юноши неожиданно

появилась спасительная светлая дева, она, словно небесного свода звезда осветила судьбу юноши, смерила мятежный дух сего пылкого гения, исполнив своё вышнее предназначение вдохновительницы. Они повстречались при сумбурных обстоятельствах, помнится, их окружала суэта в неустанном движении бессмысленных слов и дел. В водовороте театральных масок толпы они смогли различить друг друга. Они смогли остановиться на мгновение, будто нарушив законы физики, прекратив временной поток, разрушив пространство и сохранив измерение, воспарили над землей, приглушили все звуки, создав проникновенную тишину, чтобы слышать, как усиленно мерно бьется возлюбленное сердце в груди. И в дальнейшем они жили теми одним им известными чудесами, пускай мимолетно, пускай безмятежно, пускай невесомо. Но они познали космос первого взгляда. Именно тогда родилась их общая любовь, которая с момента зачатия зачатком жила в их душах, возросшая без криков и слёз, без боли и рыданий, но родившаяся кротко незаметно потаенно. Так вместило сердце юноши один единственный образ любимой девы.

Юноша почитал и называл музу святой. Известно, что многие почитают святых людей кои душами ушли в горный мир, молитвой помогающих нам, взывающих к милости Божьей. И творец всегда чтит тот сонм по вере своей, однако всегда говорил себе о том, что святые далеки, они бесплотны, а дева здесь, она рядом. Потому можно услышать её вы-

сокий голосок, можно коснуться её пальчика передавая какой-либо предмет из рук в руки, можно любоваться ею, в нескольких словах – она близка для него. Ведь она явственно освещает его жизнь, порою вразумляет и облагораживает его примером своей праведной жизни. Посему святыми являются для него не только люди прославленные церковью и предками, но также и окружающие его девы и юноши не лишённые девства и благодати Господа. Святость небесных жителей явственно обозначена, а святость земных странников различима лишь любящих сердцем. На протяжении десяти лет он искал сердцем своим подобную непорочную девушку. Впрочем, звучит не совсем верно, ибо живя в разлуке, они вместе ожидали ту встречу. Не зная даже её имени, внешности и призвания, он надеялся и ждал, грезил мечтой свидания. Подобно кораблю при шторме он не мог причалить к берегу, покуда не различил во тьме указующий светоч маяка.

Белокурый ангел – так он прозвал музу в сердце своём. Миниатюрная, стройная, невинная, она часто расчесывала пред ним свои длинные волосы естественного русого оттенка, которые касались до её поясницы, и в том простом действии было столько женственности, столько девичьей грации, отчего юноша умиленно замирал и стоически млеял. Она также покоряла его своими небесными столь впитавшими синеву небес очами. Мраморность кожи, дрожание ресничек, нецелованность розовато-бледных губок и маленькие не

по размеру, но по гармонии сложения ручки и ножки, были настолько целомудренно красивы, отчего созерцательный творец признал своё временное подчинение сей девичьей красе. Он горестно ведал о том, что сей красота со временем померкнет, однако ныне он вдохновится ею на всю свою жизнь и чрез вечность пронесет оное прекрасное воспоминание о красе творения Творца, запечатлев благой образ в рукописных творениях своих. Так творец полюбил в ней всё и обманчивую хрупкость внешности, и её изысканную миловидность, сильный непреклонный характер девы, склонный к решительным действиям и честности слов. Любовью творца он возлюбил музу свою.

Желаю быть кистью в твоих руках – однажды изрек помыслом юноша, взывая к добросердечности девы, к той победительнице и укротительнице его сердца. Владычица и покровительница, она неустанно призывала к размышлению его душу, и в том открывалось её главное земное предназначение.

Возбуждись разумом от сердечных воспоминаний, творец резко обернулся, боковым зрением завидев вдалеке мерцающий световыми прожилками силуэт девушки, которая неспешно двигалась к нему, очами обозревая закатное раскрасневшееся небесное полотно. Огненный пейзаж уходящего дня прельщал деву своеобразием цветовых пятен и теплотой тусклого и одновременно яркого тона. Чувство завершения чего-то важного она предвосхищала, испыты-

вая тайное волнение, а предчувствие последующего начала бодрило дух девы, провоцируя настороженность ощущений. Она виднелась и двигалась по полю со всею явственностью внеземной кометы, по обыкновению бороздящей необъятные человеческими руками просторы космоса, которая словно на мгновение длинной в столетие сменила привычный курс блуждания, дабы осветить собою жалкую жизнь одного ропотного смертного. Подобным сравнением окрасил деву ожидающий её юноша, с любовью и благоговением принимая её драгоценное внимание, как и благоразумное охлаждение к нему. Пускай другие люди мыслят и взирают на неё иначе, нежели он, для них она проста, обычна, порою даже скучна нравом, для творца же она подобна солнцу, и только он сумел сердцем своим распознать её тончайший звездный свет, не касаясь которого можно ощущать издалека, то ласкающее обжигающее тепло. Посему он не позволил себе даже прикоснуться к деве, отчего ныне платонически ощущает не обладание ею, но приближенность к ней, сей есть целомудренная прелюдия, которая не закончится никогда и в той невинности состоит одно из главнейших наслаждений жизни. Радоваться каждому доброму мгновению жизни – не этому ли учат все философские учения. И муза щедро одаривала творца подобными счастливыми минутами, когда оставшись наедине вдвоём, они могли предаться целомудренным взаимоотношениям. Будучи девой, она дарила ему образ облика своей красоты, а он, будучи юношей, принимал её бла-

готворительность, желая заботиться о ней. Таковые взаимоотношения схожи с взаимопониманием музейного работника и гениального шедевра всем известного мастера. И в этот самый чудесный миг бесповоротной встречи они ни на шаг не отошли от своих естественных ролей. Воодушевленное созерцание творца не ослабевало невинной сдержанностью; впрочем, и непорочность девушки не потускнела со временем. Она сколь и прежде плавно шла навстречу будущему. В том-то и состоял главный символизм происходящего: долгожданная встреча, предвосхищение праздника чувств, умиление и вдохновение, всё сие вертелось в вальсе чуть прохладного ветерка, который словно подгонял девушку, дабы напрасно не томить кавалера продолжительным ожиданием, ведь он уже преисполнился негой воздержания.

Вокруг расцветает весна, та печальная пора неизбывной неги, время распускания и озеленения, когда былое становится стариной, тая вместе со снегом, превращаясь в ручейки воспоминаний о минувшем. О любовь – мгновенье счастья длиною в вечность, она закаляет сердца, дабы сковать из них замок и всего один ключ, предназначенный только для одного любимого человека, только одной музе позволительно открывать сокровищницу пылких чувств и меланхолических грез одного одинокого творца. Проказница весна тому откровению охотно способствует, всячески воспаляя в людях мечтательность. Весна созывает малых птиц щебетать о любви, а вишня с сиренью сплошь покрываются цве-

тами, напоминая тем самым о женской красоте, столь прельстительной в сей скоротечные месяцы. Волнительно встречаются поколения, одни жаждут взросления и многообещающего будущего, иные стремятся разнузданным поведением вернуть отошедшую в небытие младость, одни ускоряют время, другие поворачивают стрелки назад, упуская нынешние ускользящие мгновения жизни, столь значимые, непревзойденно самоотверженные, готовые в любую минуту стать всего лишь тенью. Но ювелир весна радостно, чересчур кичливо, преподносит драгоценные чудеса на блюде обыденности, отчего порою кажутся, малозаметны те безделушки в драгоценных оправках. Подобно сему девушки в городе распускаются разноцветными платьями словно цветочки. Но юноша словно ослеплен целомудрием на оба глаза и потому не замечает оное влечение оболыщения. Его созерцательные очи любуются внутренним зрением образом любимой девы, он не прельщается цветами благоуханными, но покорен неувядающим цветом милой сердцу девушки. Все другие паром растворяются в его памяти, в то время как муза будет вечно жить в его душе, и в том заключается бессмертие любви. Вот она – нетленная весна души. Вот оно – бесконечное счастье. Вот он – триумф добра и света. Вот жизнь, о которой можно только мечтать.

Вострепетавши, он всем своим естеством почувствовал приближение музыки, отчего не смог смолчать. Он негромко прокричал сию речь.

– Моя жизнь поделена на две неравные части: одна половина прожита до встречи с тобой, другая половина это жизнь после нашего знакомства. Я благодарен за то, что ты позволяешь мне жить настоящей жизнью. – размеренно и в то же время трогательно говорил творец глядя в глаза любимой девушки, непременно заглядывая за их плотские пределы, дабы восхититься в который раз красотой её девственной души, ведь в теле ежесекундно происходят тысячи мельчайших процессов, и в душе их не меньше, не описать сколько неосязаемых чувств мерцают молниями в небесной радужке её очей, в бездне зрачков которых, он готов был утонуть, воспарить в гравитации того космоса. Муза всегда загадочно говорила о том, будто её глаза изменяют свой цвет в зависимости от светлоты и голубизны неба. Однако в этот день каменно-серый купол навис над землею, и вправду серые очи девушки приобрели пламенные отблески, столь схожие с закатным заревом.

– Снова исторгаешь восторженные фразы, словно флорентийский поэт в эпоху возрождения. – насмешливо выкрикнула дева издалека ему в ответ, словно по одному лишь неуверенному шевелению губ юноши, она доподлинно определила характер речи сего оратора, толком не расслышав суть сказанного им, на что тот незамедлительно ответствовал самым недвусмысленным образом.

– И не только поэтический трепет мною овладел, но и скорбь трагика. Ведь я переживаю за весь мир. Боль и смерть

каждого из людей, каждое убийство трагедия для меня, словно всюду погибают мои бесценные творения. У меня лирично-скрипичная душа, много страдающая миролюбием. Не смейся надо мною муза, твой застенчивый нрав горд и своеволен. О, ужель я ею покорен – я восклицаю изумленно, иступленно завидев знакомые очертания твоего неповторимого лика. – неразборчиво, но трогательно ответил ей творец. – Не верь мне, но верь моим словам, но поверь моему любящему сердцу, которое живо лишь любовью к тебе. На протяжении десяти лет я лелеял в душе своей твой благолепный образ, и вот ты воплотилась, явив мне счастье. О как хорошо, что ты слышишь лишь отдельные отдаленные слова мои. Пускай они станут похожи на куранты сердца моего, а лучше унеси ветер любовь мою, дабы скитаясь по всему миру, она однажды возвратилась ко мне в дни унылого ненастья. Прими же муза моё благое восхваленье. – говорил юноша часто сбиваясь на сентиментальный тон, и вправду девушка идя ему навстречу, лишь наполовину различала всю ту сердечную тираду одинокого романтика.

Затаившись сердцем, он выжидал удобного случая совершить признание, ибо сердце лишено правил и законов, оно непредсказуемо и наивно пространно. Все психологические этапы любви простой звук, бессмысленные фразеологизмы, ведь, сколько сердец столько и лиц у любви, все отношения между девами и юношами различны и не похожи друг на друга. Сколько душ столько и характеров неповторяющихся

и уникальных, сколько душ – столько и приготовлено Господом спасения, если души докажут своё желание спастись праведной жизнью. Юноша всегда помнил о том любомудрии, нисколько не сомневаясь в столь высочайших по духу помыслах.

“В вашем представлении мир циничен, а жизнь закономерна и естественно грешна, но я не желаю жить в подобном падшем мире. Однако живу в нём, значит мир таков, каким я его вижу, каким я его ощущаю всеми светлыми чувствами своими” – мог бы высказать сию мысль юноша любому ученому или психологу, но он молчал, зная, что правда не нуждается в вербальном подтверждении. “Сколь жалок ваш мир, ограниченный лишь видимым и чувственным телом” – продолжил душевно мыслить творец.

Тем временем девушка неторопливо к нему приближалась, давая богатство возможности насладиться её целомудренной красотой. Она его любимая девушка, а значит единственная во всём мироздании. Она уникальна и несравненно бесценна для него, словно в мире больше нет подобных ей дев, и сие обстоятельство не огорчает, но воодушевляет юношу на подвиги творчества. Любимая девушка странное существо, становящееся всё более непостижимым по мере познания, она самая желанная для него дева, самая соблазнительная и пленительная, в то же время самая недоступная чистая и непорочная, потому она запретна для греховного вождения. Любя музу, непременно, ценишь её честь

и достоинство превыше собственных плотских желаний и чувств, столь удивительно любимая девушка учит воздержанию. Безусловно, она помышляет о нём иначе, нежели воображает себе он, однако дружеское притяжение, трепетно тяготея к противоположному мироощущению, неукоснительно влечет их юные души друг к другу. Впрочем, они не называли свои отношения публичными официальными терминами и канонами общества, они два простых девственных человека встретившиеся по воле Божьей, ради вышней цели спасения.

Очи творца увлажнились слезами, отчего умиление родилось в его сердце и распространилось венами по всему существу юноши. Очи художника не смогли сохранить сухость, не с подарком, но со слезами на щеках он встречал явившееся чудо. Для кого-то в выздоровлении души видится заслуга провидения, кого-то посещает видение истины, божественное откровение, творческое озарение, и всё оное восторженное благоговение пред божественным произволением испытал в себе юноша, не богиню он различил, но святую деву, которая создана для него, и в том нет унижения пола, но есть дар ангельской любви. Осознавая сие благолепие в своей жизни, он радовался мгновению, печалился, когда оно ускользало от него, был счастлив и скорбел, а затем наступал покой, в котором сотворенная им жизнь умиротворялась по воле Творца, таково одно биение сердца равное целой человеческой жизни. И в этот раз оное благодатное мгновение

одарило юношу, низвергнув весь его гений в божественное созерцание.

Половинчатое по цвету, платье музы казалось поделенным на свет и тьму, оно состояло из черного верха и белого низа. Подобно лепесткам цветка складки юбки колыхались в такт её грациозным женственным движениям, наполовину оголяя её керамические ножки, оное раскрытие оканчивалось острыми стройными и изящными коленями. Она, казалось, могла оторваться от бренной земли и взметнуться ввысь, воспарить в небеса, столь она легка и миниатюрна. Ручки девушки также прекрасны и нежны, сколько в них ласки и тепла не ведает и она сама, мраморные и хрупкие, они завораживают своими плавными движениями. Личико девы блистает светом доброты, оно без изъянов бело и свежо молодостью. У неё узенький носик, тоненькие губки, небесные глазки, наивные девичьи реснички и малые ушки, увенчанные ровными прямыми длинными волосами естественного светлого оттенка, отчего те меняются в зависимости от освещения, на свету они русые, а в вечерних сумерках они темны. И в сей единой ладности красот предстала она перед юношей, отчего тот несколько смутился, всегда видя её словно в первый или же в последний раз.

– Знаешь, я недавно осознал простую истину верности, что я вечно твой, вне зависимости оттого, кто я в твоей жизни, какова моя роль, каков мой паспортный статус или общественное именование. Я твой, сквозь время и пространство,

миры и бездны, я принадлежу тебе одной. Ведь моя главенствующая мечта исполнилась – я тебя нашел, увидел, и сохранил твой образ в своей бессмертной душе. Ты невероятно красива. Раньше я сожалел о своём одиночестве, теперь же несколько не помышляю о том, ибо у меня есть ты – вечная муза вдохновенья. Ты заполняешь пустоты моей измученной души. Я вдохновлен тобой, я жив тобой. Когда ты рядом со мной, другие люди мне малоинтересны. Ты перевернула мою жизнь подобно песочным часам формой напоминавшие символ бесконечности, и время моё словно повернулось вспять. Я словно впервые чувствую, трепещу и восторгаюсь. Так оно и есть, ведь я люблю тебя впервые, столь сердечно, будто любил всегда. Ещё до нашего рождения, души наши были сотворены из одного кристаллика эфира, и не удивительно, что мы живем на одном кусочке земного шара, ведь мы желаем быть в содружестве, и Господь милостиво не разлучает нас. Я наслаждаюсь тобой, и тем одним я счастлив. – здесь юноша остановился, а затем несколько возроптал. – О сколь сегодня я не красноречив, а даже жалок в словах. Пусть так. Моё сердце устало возвышаться, ему хочется побыть чуточку сентиментальным. Но даже ради тебя я не откажусь от своего мировоззрения, своего отличного от других мироощущения. – истово произнес творец будто на одном дыхании, на что муза ласково улыбнулась и вкрадчиво ответила.

– Я верю тебе, ведь ты всегда правдив. Но неужели ты по-

звал меня сюда ради оглашения любовного признания, которое уже давным-давно лаской исторгли твои пасмурные глаза. Или же ради моего вразумления явился ты, что ж, я готова внимать гласу сердца твоего, готова чтить твою прямоту и откровенность тишиной слуха своего, притупленного громогласным сердцебиением.

На минуту они прекратили всякое чувственное произволение речи, предавшись обоюдному безгласному восприятию собеседника. Покорно отдавшись молчанию, они немного успокоились. В том немом взаимном тяготении душ присутствовало нечто удивительно значимое, способное изменить жизненную судьбу каждого из них.

Затем творец продолжил говорить, но теперь гораздо тише.

– Я помню каждую нашу встречу, подобно маленьким чудесам, они вкупе и есть искомое счастье. Радость состоит не только в поиске любимого человека, но и в обретении одного. Быть с тобою, для меня значит быть счастливым. – тут он слегка покраснел. – Вновь моё красноречие ослабело под наковальной безумного сердца, пусть так, главное чтобы оно не забывало те чувства и воспоминания которые навек нас связали. – внезапно юноша содрогнулся, переменив свою любовную речь на иносказательную диалектику. – Я всегда ощущал себя творцом. Вот я созерцаю тебя, смотрю на людей, даже малых насекомых вижу, и во взгляде моём сострадание превышает всякую человеческую мораль, настолько

чутко я ощущаю в себе чужую боль и обозреваю трагедию земной жизни, я всем сопереживаю и источаю невозбратные потоки слез милосердия. Словно я создатель всего сущего, всего живого, потому я столь трепетно отношусь к людям, в особенности к тебе. Многие полагают, будто человек малозначителен в сравнении со всей Вселенной, для меня же человек больше всей Вселенной, каждый человек уникален и неповторим, нет лишних среди них и никто из них не забыт. Для Бога нет изгоев и простаков, каждый необходим и любим Им. Пойми это, муза, не ухмыляйся понапрасну, и не обвиняй меня в излишнем безумии, только не ты, но только тебе сие осуждение позволено. Мои слова всегда правдивы и до откровенности честны, от них я никогда не отрекусь, они лишь могут со временем утратить смысловой запал и силу влияния, и только, всего лишь. Но ныне я не празднословен. – он обвел её нежным взором и продолжил изъясняться. – Рядом с тобой я обычно спокоен и молчалив, потому что поиск любимой девушки завершен, я нашел тебя, на двадцатом году жизни я обрел счастье судьбоносной встречи. Теперь можно расслабить разум и жить одной мыслью твоего существования. Сегодня же я желаю совершить невозможное, желаю духовно поцеловать твой голос. Но слушая мои вкрадчивые монологи, в ответ ты готова досадливо рассмеяться, потому-то после слова “друзья”, я всегда ставлю запятую, а ты всегда норовишь начертать точку. Мы общаемся на одном языке, но используем различные знаки препина-

ния. – юноша умолк на секунду, покачиванием головы выразив обиду, дабы затем продолжить. – Обожание безгранично и всеильно, когда взаимно безответно. Ведь я не ограничен ничем, и никем, ты не возвышаешь мою любовь, не унижаешь её безразличием. Вместе с оной свободой выбора ты вручаешь мне державу власти быть в твоей жизни кем угодно, поступать так, как мне заблагорассудится. Потому я свободен в своём счастье и свободен в своей печали.

Сделав предупредительный акцент на последнем слове своего монолога, творец перевел взор с миловидного личика музы на туманные дали чернеющих небес. Отчего озаренный и обагранный закатом солнца, он буквально засветился неведомым всесторонним сиянием, мистически провозглашающим величие фигуры юного оратора. Мысли коего лились легко и непринужденно подобно чистой рудниковой воде, и девушка чутко внимала ему, нисколько не пряча зеркала души своей под покровом непроницаемости чувств и переживаний. Она различала сочетание двух не сочетаемых по духу людей в развернувшейся сцене встречи. “Жизнь сего творца обещается стать эпической зарисовкой одной гениальной личности, которую невозможно охарактеризовать каким-либо возвышенным словом, пускай даже самым титаническим по смыслу гипертрофии, он уже велик в безвестности и ничтожности своей. В сравнении с другими, он превосходит во всём, в особенности в морали и в вере” – думала она, глядя на сего человека лишённого человеческой славы и почета,

которому достаточно одной единственной музы и тем он покори́л девушку, не лестью, не лаской самолюбия, но искренностью собственной романтики. Она, познавая его мятежную душу, не испытывала сугубое разочарование, либо иллюзорное воодушевление. Она принимала, пускай, не всегда достоверно понимая, и не со всем утвердительно соглашаясь, мировоззрение юноши, невзирая на ветхие устои и светские запреты общества. Душою девы руководило не любопытство и не праздная любознательность, а мирное взаимопонимание, любовь снисходительная, любовь дружественная не оскудевающая братолюбием. И действительно, она как-то назвала его братом, не кровным, но духовным. Сей зародыш братской любви, возрастающий подобно цветку с течением времени, только крепче соединяет их предначертанные судьбы. Оное сплетение судеб происходит произволением провидения, ибо всевластная воля Всевышнего сочетает юные сердца, притязания коих нежны и довольно скромны. Словно заново сотворенные прародители они впервые повстречались, такие единые и столь различные, целомудренно любящие друг друга, и в Творце, даровавшем им милость и дар сострадательности неизбывной, видящие суть всей своей жизни. Но не любовью единой проистекала их жизнь бытия земного, но силой творческой наполнялись превосходящей все иные суетные порывы, они питались замыслами и начинали голодать, когда те воплощались, ибо юноша всегда почитал себя творцом, который снискал и нарек деву сво-

ей единственной музой. Нередко оные возвышенные именованья гораздо величавей звучат, когда пишутся с большой буквы, преемственно соотносясь к своему образу и подобию. Сей юноша с самого своего рождения творец, не потому что он исключительно талантлив или же он является знатоком всех видов искусств, а потому что он одарен непреодолимой тягой к созданию прекрасного, к созиданию добродетели. Доколе в нём живет мечта – сотворить мир, свободный от насилия и греха, мир в котором правит добро и любовь, в котором не будет стыдно встречать Спасителя, миротворчество его души будет господствовать и процветать в творчестве подобно неиссякаемому источнику вдохновения.

В то время когда мечта ещё не стала явью, нередко происходит замещение желаемого обретения иллюзорной чувственностью, случается перенаправление чувств, переустройство образа недостижимого предмета, и одной неопределенностью отношений вольно воспользовалась муза, найдя в творце доказательство своих вдохновительных возможностей, оказалось, что она способна на перевороты и на сосредоточение его вышних помыслов. В её очах он виделся неученым человеком, ибо ученые, как правило, страстно желая всё предать объяснению, впадают в непоследовательное заблуждение. Однажды творец изрек ей пространный афоризм – “верую истинно в Истину, ибо истинно верую”. Муза точно знает, что когда ему вослед будут кричать – “анафема и отлучение еретику”, он будет кротко шептать – “прощаю

всё, прощаю всех”. Те страшные времена кажутся далекими, до них десятки лет и потому ныне мало задумывается о том юный творец, бесславный среди людей и непризнанный всеми. Одна лишь верная его душе муза степенно внимает тихому гласу вопиющего в пустыне пророка.

– Легко спорить с Богом, заведомо зная, что так или иначе, чтобы ни произошло, Он всегда побеждает своих оппонентов. Но не каждому ли даровано право властвования миром собственной души? – в этом косноязычном вопросе весь я. Поверь, муза, я устал быть слугой мира сего. Я вправе ослаблять либо укреплять мировые законы и правила, невзирая на всевозможные учения и опыт моих предшественников. Только Божьи заповеди являются мерилami моего зрения, иными словами, я желаю создать мир по образу и подобию своей души сотворенной по образу и подобию Божьему, таково моё мировоззрение и таков смысл моей жизни. – после сказанного юноша усмотрел во взгляде девушки осуждение и преминул ответить ей немедленно. – Не страшись напрасно моих слов, ибо я миролюбив и не намерен насильственно посягать на души людские, я лишь напомню им о первоизданной праведности, о совершенной нравственности, к которой всякому человеку должно возвратиться. Не пошатнуть умы людские я намерен, но одушевить неодушевленную мораль общества. Я способен стать великим моралистом и то чувство высшего служения зиждется в моём естестве подобно предзнаменованию. Пускай многие нарекут ме-

ня отщепенцем-гордецом, обзовут словоблудом, пускай я не познаю одобрение и похвалу, самого малого понимания, сей путь мирного протеста навсегда останется целью моей жизни – спасение мира своей души. Я мечтаю подготовить мир ко второму пришествию Христа Вседержителя. Желая показать Ему мир, в котором побежден всякий грех, в котором уже не будет насилия и блуда, безбожия и заблуждения, цинизма и алчности, властолюбия и какой-либо иерархии, я покараю оное зло своим пророческим словом и своею жизнью праведной низложу всякое безумие бесовское. Дабы отсрочить ту страшную кару над миром, то возмездие над душами грешников, дабы не погибли многие от греховности мира сего, я буду проповедовать среди людей праведную жизнь. И однажды я покажу Господу людей невинных, неповинных, а значит, они те будут подлежать осуждению, но в милость Божью опояшутся. Сейчас ты насмешливо наречешь меня идеалистом и филантропом, и будешь отчасти права, но вслед моим быстрокрылым словам летят умозрительные подвиги, узри же те миролюбивые деяния, которыми мне предстоит пошатнуть мировое господство неправды, низвергнуть тиранию темных сил.

В подобные минуты мировоззренческой откровенности творец возвеличивался до царственных амбиций, однако муза нисколько не пугалась того надуманного величья, напротив, она выказывала неподдельный интерес к судьбе сего гордого и вместе с тем кроткого юноши. Его речь не отлича-

лась ораторским мастерством, он часто “проглатывал” буквы в словах, картавил, в волнении даже начинал заикаться, и та неуверенная подача была столь человечна, что даже такая сомневающаяся во всём девушка как она, вверялась той простой истине, которую он столь ярко вербально преподносил.

Известно, что дерзость поведения и гордыня мышления является на самом деле слабостью, слабохарактерностью, которая скрывается под маской напыщенности. Также самомнение и самолюбие говорят о немощности души. Оными паразитами аморальности творец никогда не страдал, ибо всегда был кроток и смирен, его протестная натура выражалась исключительно только в творчестве, где будучи совершенно свободным, он не жалел своих сил для отстаивания добродетели. Однако в последнее время произошел в душе юноши некоторый слом, нечто обманчивое поселилось в сердце юного гения. Погружаясь созерцанием в самого себя, он находил безграничное мироздание, и всемогущие способности души, он обзирал в себе творца и в том усматривал божественное превозношение своего душевного бытия. Он созерцал окружающий мир очами творца сотворившего оное великолепие красок и существ, и в том высоком миропознании не было ничего лукаво чувственного, никакого господства горделивого, только одухотворение творчества, лишь душевное преображение. Иногда творец близко знакомился с душами людей, не поверхностно обегая сиюминутным взглядом их характеры и индивидуальные черты,

а глубинно он познавал уникальность каждой человеческой души, временами уподобляя своё мышление объекту познания. Он, временами казалось, чувствовал то, что чувствовали они, оставаясь при этом самим собой. Так и сегодня, его горделивая душа желала оглядеть весь мир очами Бога, и будто на мгновение сие чудо ему удавалось ощутить, ибо он любил всё что видел, каждую мельчайшую травинку и песчинку, каждого из людей. Может быть, юноша в тот миг не был Богом, но он ощущал дуновение Бога в себе и потому ему краешком отворялись вышние знания о достижении совершенства жизни. Не формулы логического построения вырисовывались в его душе, но иррациональная первичность чувствования чистоты восприятия. Не машинальное холодное математическое распределение функциональности и целесообразности довлело над его восприятием мира. Но духовное иномирное стяжание любовного созерцания не столько очами, сколько сердцем, руководило им. Любопытная душа юноши рвалась постичь оное мироздание, то Богом мира сотворение, которое не утихает, не замедляется в движении, не знает смерти, постоянно умножаясь и меняя формы. Ибо мироздание наделено вечным процессом возрождения и в том заключается присутствие Творца в творении, которое бессмертно, сколь и Он бессмертен и вечен. Может быть, именно поэтому творец почитал себя бессмертным, а творения свои наделял вечностью.

Известно, что Ангелы Господни записывают каждое сло-

во человека, его деяния, помыслы, впрочем, и он сам ведет рукописный дневник своей жизни. У него ничто не теряется бесследно, не ускользает безвестно, не забывается, не предается забвению. Сие не тщеславие, ибо муза хранит частицы его мыслей в себе, её чистые очи навеки сохраняют образ того ничтожного гордеца, каким он, безусловно является. Юношеская гордыня не позволяет ему быть склоненным пред непостижимым и малоизученным миром. Ибо он живет безумно, им правит творческая похоть, которая постоянно требует создавать, творить. Но он тою возбужденностью не одержим, добровольно знакомый со своею ничтожностью, он не питает иллюзий о значимости своей в среде себе подобных творцов. И то покорное обстоятельство личности, делает его свободным и прямодушным, делает авторским каждое его философское заявление, кои сей юноша наострился излагать пространной речью и языком весьма простым для понимания. Он более не слуга мира сего, но и не озлобленный повстанец, он просто творец, который не стремится обессмертить себя, будучи удовлетворенным, он и так обладает нетлением души. Таковым образом вырисовывается поверхностная картина стремлений мировоззрения творца, чья душа пока что не отворена читателю полностью, которая подобно раковине лишь приоткрыта слегка, дабы понемногу проливать свет истины в темные комнаты человеческого знания. Впрочем, и девушка стоящая подле него была весьма таинственна, таявшая в себе противоречия канон-

нов благочестия, импульсивность, грациозность чувств, сострадательность мироощущения. Видимо трогательно жалея друга, дева всегда слушала его и, умолкнув, сомкнув уста, не перебивала собеседника. Временами она любовалась закатным уходящим солнцем, словно те набухшие маком небеса шептали ей страшные пророчества.

– Воистину, Творец мой единственный учитель. Но что если я превзойду Создателя в мастерстве творения, и не увижу равных себе по таланту ни на земле, ни на Небе? Но разве столь омерзительный грешник как я может приблизиться к святому мастерству праведной жизни, смею ли я помышлять о подобной дерзновенности души? Да, я посмел подобно мыслить, но прежде я мечтаю о прощении. И меня осудят за оное несвоевременное дерзновение, даже ты, верная муза моя, выскажешь мне укор. Потому что меня сложно понять. Только послушай, вслушайся в мои мятежные мысли – Великое искушение принес Господь в своём облике человеческом. Я пытаюсь сравниться с Ним, достичь Его высот праведной жизни. Теперь же, выслушав меня, скажи мне, грешно ли стремиться к совершенству? Мне думается это первостепенная жизненная позиция всякого здравомыслящего человека. – говорил юноша надрывно, словно ускользающее за горизонт солнце являлось часами, вот-вот и его время кончится, нужно торопиться повествовать о главном, о самом важном.

– Не в том погибель твоего разума, но в жажде большей

мудрости кроется твоя смерть. Я крайне встревожена и удручена твоим надменным поведением. Будучи необразованным, стоит ли тебе помышлять о столь высоких материях? Напрасно ты мечтаешь постичь тайны мироздания, используя детские методы и слепые подходы. Прошу тебя, вернись к обыденной жизни простолюдина, не думай более о невозможном. – отвечала муза имея твердый характер, она всегда была далека от излишней мечтательности, всегда расчетливая и местами чересчур взрослая, девушка частенько поначалу третировала своего друга, но по ходу разговора смягчалась и начинала прощать его всегдашний инфантилизм поведения, нарциссизм мышления и малопонятное мудрствование души.

– Лицедейство – та улыбка без радости, оно мне не знакомо. Поэтому я таков, каков есть на самом деле, я чувствую своё первородное величие гениального творца, потому излагаю свои мысли достоверно правдиво. Я не из тех эгоистов, чья личность расширена до вселенских размеров, заслоняющая собою все остальные миры. Для всеобъемлющей любви мне достаточно одной твоей души, которая со временем примет меня с моими заповедями жизни. – на сим слове юноша заимел на лице своём румянец стыдливости, отчего он робко произнес. – Я благодарю тебя любя. Я люблю тебя всею душою своею. – ещё более зардевшись, юноша продолжил услаждать слух девы нежными короткими фразами, стал ласкать её сердечно искренними чувствами. – Ты привнесла в

мою жизнь то волшебство внимания, о котором ранее я мог только мечтать. Ты первая девушка, которую я величаю музой, но ты и последняя.

Она незамедлительно ему ответила.

– Ты снова возвеличиваешь моё значение в своей жизни, но признаюсь, мне приятно слушать твои дифирамбы, лишённые льстивого лицемерия. И тем самым ты умело перевел тему нашего разговора с твоей персоны на мою вдохновительную особенность. Может быть, мы вернемся в былое мудрование?

Выслушав её памфлет, зная простую житейскую истину женской нелогичности, юноша впервые улыбнулся одними уголками сжатого рта. Таким своеобразным образом, любая девушка интригуяще скажет – нет, но тайно пожелает убеждения, дабы он подтолкнул её к положительному ответу. Сделай так, чтобы я захотела – мысль девы несогласованной с её изначальным желанием. Искренно надеясь на свой неразвитый талант риторики, юноша продолжил изъяснять свои доводы, радуясь минутным обращениям к нему музыки, ведь безразличие – самое унижительное женское поведение.

– Я мечтаю объять весь мир своей девственной миролюбивой душой. Мечтаю изменить себя, достигнув нравственного совершенства. Мечтаю указать человечеству путь истинный. Я мечтаю быть примером кротости и сострадания, я мечтаю любить всех как самого себя. Разве плохи мои мечты, разве неисполнимы они? – тут он вспыхливо восклик-

нул. – Вот увидишь, в мире больше не будет насилия, всё орудия убийства я обращу в пыль и пепел, люди перестанут быть блудницами и блудниками, ибо люди познают и вспомнят о добродетели целомудрия, все будут девственниками. – тут он словно воссиявши безвременной мудростью, осветился ускользящим лучом света надежды. – У насилия существуют две одинаково уродливые личины – нападение и защита, потому-то войны и не прекратятся покуда умы почитают доблестью оные злодеяния. Посему следует быть миролюбивыми людьми, которые вовсе отрицают всякое насилие. Таковых людей миротворцами Господь прозывает и я один из них. Мы носители естественного неприятия всякого убийства, как человека, так и животного. Житие мирное со всеми – вот удел праведности. – зная о чём будет говорено дальше, он оробев продолжил. – Еще скажу о насущном. Ласки супругов приемлемы, когда совершаются они с превеликой кротостью и стыдливостью, ради зачатия и последующего деторождения, иное есть грех блудодейство. – сказавши сие, он пристально воззрелся на неё. – Я вижу по твоим светлым очам, насколько сильно борются в тебе мои истины и распространившаяся по всему миру неправда зла. Совесть твердит тебе, что слова мои верны, а лукавый шепчет отвержения сего и злоречием обольщает ум твой. Так будет с каждым, кто услышит меня или прочтет книги мои. Я не часто, но бываю среди множества молодых людей, которые имеют противоположные помыслы, которые пребывают во

тьме невежества, ведь зло есть безумие, и тогда среди них ощущаю себя одиноким, каким-то чужим. Предположу почему – потому что я хуже всех. Я мог бы высказаться подобным простым предложением, но это означало бы следующее – я худший из худших, но это не так, истина в том, что я один плох. Сей мнение о себе самом искореняет всякую гордыню.

После некоторой передышки он продолжил говорить.

– Существуют золотые слова всякого художника – я так вижу, я так чувствую. Я с этим взглядом на творчество солидарен, я также мыслю свободно нравственно. Однако моя высокая натура не терпит всего греховного и противоестественного. Нравственность всякого творения должна быть непревзойденно свята и покорна Господу. Здесь в очередной раз ты можешь уличить меня в гордыни, но гордыня – это когда силой влияния и ораторства покушаются на чужое произволение и свободу. Я, напротив, подвигаюсь к тому миролюбию, к которому призван. И я нисколько не желаю быть твоим учителем, только верным твоим другом желаю я быть всегда. – он изрядно смутился. – Ты, кажется, хотела напомнить мне о вчерашнем несерьезном происшествии, при котором я всего лишь отворил перед тобою ту дверь. Но в том нет ничего страшного оскорбительного для тебя, ведь отворение дверей перед женщиной, является устойчивым проявлением уважения и заботы о ней, а не намеком на её мнимую слабость. Я тебя нисколько не унижаю, ибо любовь всегда возвышает, даже самую пустячную мелочь возводит в ранг

великолепия.

Муза ответила ему.

– Не могу не ответить тебе, раз ты столь щедро осыпашь меня комплиментами. И вправду, ты лишен горделивости, дерзновенности, самоуверенности, но ты говоришь о созерцании как о смысле своей жизни, забывая о том, что смысл человеческой жизни заключается в спасении души. Добродетели, молитвенный труд, раскаяние, жертвенность, сострадание, любовь, всю оную духовность должно созидать и приумножать, покуда Господь не призвет тебя.

– Не задумываясь я соглашусь с тобой. – кротко воскликнул творец. – Однако я редко хвалю свою душу, практически никогда. Я, можно сказать, ненавижу свою душу, ибо она слаба и мало похожа на святость. Впрочем, единственное что мне нравится в ней, так это творческое созерцание, всё остальное не столь велико, как бы я того желал. Разве смею я желать спасения собственной души, которая мне столь неприятна? О, и я не лишен самолюбия, ведь я столь долго уже твержу о своей многострадальной усталой душе. Мне порою трудно называть себя творением Создателя, столь ничтожным я себя почитаю и чувствую, я нахожу себя сторонним созерцателем жизни, которую задумал и воплотил Бог. Но я не изгой жизни, я просто другой. Моё призвание – восхищаться, вдохновляться, творить. Во мне есть девственность, молитва, раскаяние, любовь к Богу, любовь к тебе.

– И при всём этом ничтожестве, при этом богатстве добродетелей ты умудряешься видеть мироздание своим творением? – спросила муза.

– Не только созерцать, но смею сопереживать чувствами сердца самому сотворению мира. И чувствую, что в скором времени я буду повержен за оные гордые речи. – в зеницах очей юноши промелькнул страх, уныние сморщило его чело. – Гордец ничтожный, вот кто я.

– Ты ненавидишь не себя, но свои грехи и слабости, которые кажутся сильнее тебя, но бессильны они пред защитой Божьей, оберегающей тебя от злодейств мира сего, от пороков мира суетного. – прозорливо молвила она.

Юноша некоторое время безмолвствовал, не решаясь ответить на столь верную трактовку его многогрешной души. Ведь снаружи человек может казаться благочестивым и благородным спокойным девственником, но внутренне он всегда испытывает искушение, всегда пылает борец в душе его, ибо лукавые помыслы не дремлют, не стареют, они готовы соблазнить и развить болезнь порока посредством картин беспутных прелюбодейств. Особенно нападение зла остро ощущаются с часы лени, а также в утреннее время. Помня о том, он молчал, смутившись своей откровенностью, он закрывал сердце руками, бросал взор на необъятные доли заката солнца, уступающие по масштабу и значимости душе девы. Угасание света он различал с безнадежностью, подобно часам солнце отмеривало последние минуты их встре-

чи, каждый луч, словно песчинка ускользал в безвозвратное прошлое. Юноша хотел бы остановить то движение части мира в небытие ночи, которая явно ознаменует окончание чарующей сцены. Ночь предвещает сон безмятежный или беспокойный, ибо столько всего важного он не успел ей сказать, столько всего чувственного прочувствовать, отчего придется компенсировать нереализованные поступки и слова ночным повторением пройденного в воспоминаниях и последующим добавлением небылиц к прошедшему событию. Он чувствовал приближение конца, вот уже их отношения охлаждаются, она, как истовая попрыгунья стрекоза по морю жизни, не имеет якоря, потому волны бросают её из стороны в сторону. Причаливая к разным берегам, она богатеет, нищает, или разворовывается. И самое прискорбное состоит в том, что и в нём муза не находит себе доброго укромного пристанища. Он словно странное мгновение для неё, видимо потому он также является незабываемым мгновением. Исчезнет краткий миг, и скоро они расстанутся, вот-вот и погаснет светило, даже луна сквозь грозовые непроницаемые тучи не сможет осветить их дальнейшее странствие.

Технический прогресс способствует духовному регрессу. Во все времена тот вопрос остро ощущался, ибо давление на свободных людей со стороны общественных структур неизменен во все времена. Таким образом, государства, имеющие циничных правителей и насильственное антихристианское мировоззрение, пытаются вмешиваться в устройство ми-

ровоззрения людей. Вот почему творец, резким словом выразил следующее.

– Власти пытаются нас усмирить и извратить, потому что у нас иные ценности, другие моральные предпочтения, у нас есть нравственное превосходство над ними. Я несколько не патриот в высшем понимании этого слова, мне противен государственный националистический патриотизм, однако я буду патриотично отстаивать, и поддерживать добрую и правдивую христианскую веру там, где я некогда родился. Если другие безобразны преступлениями, то лучше быть островком изгоем, чем беснующейся толпой. Христианство учит истине. Христианство единственная вера, гласящая о том, что Бог есть любовь. Многие называют христианскую веру чересчур строгой аскезой, но иначе, и быть не может. Ибо кто не прельстится, кто не поклонится перед антихристом, который соблазнит род людской сладостью речей и мирским богатством? Только христиане. Только они будут славить правду, обличая и раскрывая ложь и заблуждения мира сего. Тактика оболъщения мира лукавым во все времена проста, он будет внушать людям, будто вера не нужна человеку. Оными обманами он внушит людям бесчувственное безверие, затем создаст себе армию подобных безбожников и проповедников неверия. Но останется на земле малое число несогласных с тем грехопадением. То будут христиане, которые не утратят веру, будучи до исхода души верны Господу Богу нашему Иисусу Христу, они будут много порицаемы

за веру свою и много истощаемы миром сим. Посему власть врага рода человеческого не восторжествует полномасштабно, мир сколь и прежде будет держаться на праведниках, ибо иные погибнут в унынии безверия и мирской праздности. Но помни, что нуждаются в милости не добрые, но злые. Ветхий враг мыслит иначе, для одних он уготовил пряник, для других кнут. И задай себе вопрос – тогда, с кем будешь ты, с ним, или с Христом? – казалось, что юноша говорил со всем миром, казалось, что он задавал сей вопрос каждому человеку на Земле, но, не услышав ответа, продолжил. – Приближение конца ознаменует извращение заповедей Божьих, когда грех начнут называть естественностью, тогда и явится злодей погубитель душ людских, мучитель народа христианского. Скорей всего мы застанем те последние времена, ты и представить себе не сможешь, как я мечтаю быть там, мечтаю созерцать второе пришествие Христа Вседержителя, мечтаю жить с Ним в Царствии Небесном. – очи юноши лучились добротой и кротостью, настолько он мечтательно воображал себе сей божественное милосердие. – Думаешь, я мечтаю о неисполнимом благе, но Богу всё подвластно, потому я не теряю надежды. Впрочем, мы все однажды предстанем пред Господом. И главный вопрос, – какими? Смиренными, чистыми и невинными мы должны предстать перед Его очами. Потому ты, бесконечно права, мне следует, прежде всего, заботиться о душе своей, и о душах ближних своих не забывать. Мне предстоит дальний путь, который рано или поздно

приведет меня к Господу.

Обнажив мечтания своей души, творец воочию эфемерно узрел образы будущей жизни, тот выбор, который предстоит совершить каждому человеку. Должно будет избрать хлеб или крест. Хлеб и крест – это символы разделения рода человеческого, знамение конца. Поначалу враг рода человеческого не станет открыто озлобляться на веру христиан, враг будет соблюдать шаткий нейтралитет, дабы за то мирное время больше сторонников привлечь, приспешников подле себя собрать. Только затем, узаконив безбожие, он примется за повальное разобращение христиан посредством гонения и истребления оных служителей Бога. И ему нельзя будет помешать, ибо враг рода человеческого лишь откроет то безверие, кое и так бытует в мире, всплывут те затонувшие трупы оккультизма, кои некогда находились сокрытыми под толщею воды общества сего. И в конце правления своего соберет враг проклятое воинство своё, которое будет собрано по всем странам и континентам. Но помни, прежде сего будет – хлеб и крест. Выбрав крест святые исполняют волю Божию, выбрав хлеб грешники исполняют злодейство лукавого. – говорил творец не умолкая ни на минуту. – Пойми меня, муза, я желаю своею любовью уберечь тебя, подруга верная моя, желаю просветить твой разум. Ведь я лишь о добродетели толкую тебе. Будучи противником всякого насилия, я во Христе нахожу добродетели миролюбия, незлобивости, невинности девства. Но люди, словно вопреки Его запове-

дям, всюду поощряют насилие и убийство, даже священники, которые призваны провозглашать мир, благословляют на войну. Мне думается, воинство должно быть бескровно во все искоренено. Один супротив всех, я тому пацифизму буду всячески способствовать. Только ты поддержи меня в сей мирной деятельности, не обрекай меня на мировоззренческое одиночество. – тут он взмолился. – Господь, позволь хотя бы одному человеку уверовать в проповедуемые мною заповеди Твои, кои ратуют за любовь между людьми, о целомудрии миролюбия. – окончив воззвание к Господу, он продолжил. – Во Христе истина, но ветхость ещё довлеет над верою многих, лишь немногие верующие верны кротости Божьей. Я ведаю о том, что я не таков как все, меня будут изгонять отовсюду, не сыщу я места на земле, никто не пожелает поместить меня в своё любящее сердце. Разве только ты, одна, сколь и прежде будешь любить меня. – заключил юноша со всею истовостью юношеского слога.

После услышанного, девушка колебалась с ответной речью, казалось, она не могла покорно согласиться с его предположениями и предостережениями, некоторое родовое заблуждение, передаваемое из уст в уста, из сердца в сердце, не позволяло ей всецело поддержать друга. Он будто рушил её обыденные умозрения миропорядка, очищал от сажи разрозненные эмпирии её самосознания. Она ощущала в себе добрый дух, который проникал во все части её души, озаряя значимостью то, что ранее пренебрегалось ею, что предвзято

затмевалось другими, что на самом деле неоспоримо правдиво. И на его примере, наглядно субъективно, она знает и видит, что оный кроткий юноша никого никогда не ударит, никого не обидит, не разозлит, всё перечисленное для него есть грех и беззаконие. В нём царят незлобивость и миролюбие. Ему противна мстительность и всякое причинение физической или моральной боли, противна ругань, противно сквернословие. Тело сего юноши очень легко сломить, ведь он не будет физически защищаться, но его нравственная душа настолько сильна, настолько всеильно фантастична, что никто не сможет совладать с мыслями сего творца, который не только живет, но и оживляет творения свои духом веры. В житнетворчестве состоит суть его бытия. Таковым сложилось представление девушки о собеседнике, который почему-то именно сегодня решился душевно открыться ей при закате дня.

Наступала томительная ночь, люди готовились ко сну, уходя из суетности житейских проблем, дабы их переживания утихли, а тело обрело бесстрашие. Сколь и душа вольно способна покидать рамки земного мира, во сне она отдыхает от суетности прошедших видений. Сгущались сумерки, погружая всё сущее в прозрачную тeneвую поволоку, заключая в свои прохладные объятия две светящиеся фигурки. Подобные малым светлякам, они не боятся тьмы, ибо наделены даром освещения мира добродетелью, они светят всюду и везде, особенно там, где столь мало тепла и света.

Муза улыбалась творцу и на её губах бликами заблестели последние лучи солнца. Как бы ни хотелось ему поцелуем вкусить тот недолговечный кусочек светила, он никогда не лишит девушку драгоценного дара нецелованности, никогда не совершит сию дерзость, не поступит столь неуважительно по отношению к её чести. Ему приятно видеть её чистой и непорочной, чувствовать в ней живительную силу доброты, тот безгрешный источник красоты неувядающей белой лилии девственности. Рано или поздно, она, как всякий благоуханный прекрасный цветок завянет, но если сорвать её бутон, то она увянет куда быстрее, и не продлят её жизнь, ни драгоценные дары, ни ухаживания, ведь потерянная невинность невозвратима. Посему необходимо её оберегать всеми возможными силами. Музу должно славно почитать и любить сердечно. И он сохранит благочинность девушки, невзирая на собственные мечтания о венчании. Мечты его не сбудутся, не соединят их благословения, но общая добродетель честного девства укрепит любовью их дружбу и непорочность телесную.

Словно не вкусившие запретный плод прародители, девственные и миролюбивые, сей девственник и оная девственница, умильно взирали на творения Творца, и не только восторг испытывали при сём созерцании, но также они благодарность молитвенно возносили Ему.

Безвозмездное дарение благ жизни, столь сие учение привычно звучит и сколь редко встречается в наши дни. Воисти-

ну жизнь есть благо, смерть же побеждена Воскресшим Спасителем. Может быть, потому в минуту встречи они не помышляли о кончине, ибо ничто не кончается, всему возможно продолжение, и бессмертие добродетели то утверждает. Они же, более чем кто-либо, заслужили мгновение созерцания вечности в очах друг друга, в коих навеки воцарился трепет любовный омываемый слезной влагой. Тогда их очи увлажнялись радостью, дабы та вода сохранила на молекулярном уровне то прекрасное видение бесконечного счастья. Дабы затем, превратившись в невидимый пар, те удивительные образы вознеслись обратно на небо. После капли должны были пасть обратно на землю, храня в себе картины любви. Дождем, обрушившись на засушливый город, оные наброски счастья потекут по человеческим лицам, по их щекам и носам, попадут также на их усталые веки, отчего люди узрят то, что они, прежде никогда не видели, так круговорот романтических грез возобновится вновь. Снова и снова будут оживать жизни людские, ведь всё мироздание словно призвано хранить человеческие судьбы, вся Вселенная есть не что иное, как памятник человеку, венца творения, шедевра Творца.

Вдали когда-то произрастало старое дерево, под дубом тем Авраам трех Ангелов повстречал, спор Платоники и Плуто-са там некогда был затеян, там слезы Арианы напоили могильную почву, возле сего древа поэт деву дожидался и сколь известно стихотворным письменам, с верностью и любовью

музу милую сердцем повстречал. То было и, то будет.

Колыхались ветви древа векового, они словно грозные тучи нагоняли. Посему юноша и дева, находившиеся возле дуба сего, завидев приближенье непогоды, недолго предавались созерцанью красот небесных и красот душевных.

Глава вторая. Тайновидец

Раскатистые расхлестанные по небу громовые вздохи слышались вдали. Быстро приходящие на смену покойному зареву грозовые тучи заволокли небесный купол грубыми тяжелыми облаками. Подобно стаду встревоженных диких зверей, подобно расколотым валунам горной породы, они заполняли синевато-лиловые пастбища, пожирая на пути своего вторжения цветы звезд и краски лун. Высокие луга небесного океана, поглощая и выпивая закат, клубились массивно, стойко продолжая надвигаться на некогда мирное угасание дня. Словно человек исходящий из земного мира сего, видит воочию наступление духов тьмы, но отходящему праведнику в горный мир странно чувствовать их мрачное приближение, ибо надежда на скорое явление сил света не покидает его, ибо с ним Ангел Хранитель. Таким светлым образом, юноша не убоился надвигающейся непогоды, ведь рядом с ним живет и здравствует светлоокая дева, которая, впрочем, уже начинала замерзать, ведь проказник ветер прохладой проникал в складки её платья, монотонно колыхая их, отчего она покрывалась мурашками. И очередное легкое содрогание музыки ознаменовало их скорое расставание, оное неминуемое отдаление двух тел друг от друга, но не любящих душ, соединенных теплыми чувствами добросердеч-

ной дружбы. Так скоро огорчение занимает место проходящего счастья, ненадолго опечаливая сердечную память, ведь грусть это спутница всякого ожидания.

По разруганному личику девушки текли крохотные капельки, но, то были не соленые слезы, то закрапал мелкий дождик, предупреждая неразумных людей о том, что в скором времени он возрастет, заимев полную мощь излияния. Потому-то только грозил одинокими каплями, тем самым поторапливая одиноких путников. Тем временем воздух постепенно приобретал влажную свежесть схожую с благоуханием увядающей осени, словно сам Творец объяснял разумным людям две основные характеристики всякого творения, Божьего и человеческого произволения – о созерцании и исполнении. Исполнение подразумевает внешнюю красоту, технику создания, а созерцание это душевное качество, поиск смысла, красота духа. Обозначается созерцание делением надвое. К примеру, встречаются люди внешне привлекательные, но весьма скверные душами, они могут прельстить плоть творца, его зрение, но не творческую душу его, также бывают люди, внешне покалеченные и не обладающие соблазнительной наружностью, но они светлы душами и тою красотой они превыше многих. Исключением в созерцании может быть только умиление. И оное прямодушное соитие невинностей всех чувств овладело творцом, наградив того исключительной чувственной прямоотой. Словно написав безвольную картину, сотворенную с конечной целью

запечатления и показа всевозможных красот, он остановил красками мгновение, дабы затем воображение зрителя конструктивно дополнило сокрытое от глаз пространство, ведь рамой полотно никогда не ограничивается.

“Неужели и ей суждено плотью бральной угаснуть, подобно всем другим миллиардам людей, неужели мне предстоит лицезреть её старение и телесную смерть? Ужели таково наказание моё, за согрешения мои, ужели нельзя не предотвратить оное разрушение? Предназначение человека – созидать Божий мир, почему же мы поступаем иначе, мы разрушаем мир, и мир в ответ разрушает нас” – размышлял юноша, взирая на образ своей вечности, ведь душа воистину бессмертна. – “Сколь красива она, муза моя, сколь добродушна, сколь невинна и нежна, отчего я не смею гласом молвить добро-сердечно. Потому я осужден на безмолвие голоса, но душа воспевает её чувствами, воспаленными настолько, насколько возможно, отчего она содрогается от каждого удара сердца, моего любящего её сердца. Она как будто желает отдалиться от меня, но не в силах сотворить и один шаг. Она жаждет духовной любви, вкушая ту амброзию сполна. Она скрытно познает меня, не подозревая о том, что прочла всего лишь несколько страниц моей бесконечной жизни”.

Влажное личико музы золотилось белым светом. Очень быстро меркло зримое окружение. Выхватив самое главное своим чутким созерцанием, творец трепетно желал различить всю звездно-планетарную вселенную в простых для

каждого обывателя чертах лица застенчивой девушки, не желая замечать непоправимые изменения в её теле, необратимые пред временем и невосприимчивые к мольбам и увещеваниям. Повелевая своею созерцательностью, казалось он, словно в микроскопе различал старение мельчайших клеток её тела, видел то, как плоть девы постепенно угасает, в то время как душа её, совершенствуясь духовно, наоборот возрастает и молодится. С таким своеобразием тело и душа идут разными тропами по жизни. Безусловно тело есть храм души, но как всякое строение, оно постепенно разрушается, для того люди создали множество орудий для уничтожения. Но Дух Божий живущий в храме им не одолеть, не покорить, не убить. При оном знании всё же жалостно воспринимается старение тела человеческого, но более горестно созерцать греховность души.

“Может быть, мне следует оставить музу, дабы не видеть её исход, не быть свидетелем телесной смерти её, которая, впрочем, и меня не минует. Мне ли провожать в горний мир возлюбленную, возвращая Творцу столь прекрасное создание Его всесильной творческой мысли? Однажды, рано или поздно я оставлю всё мирское, отрину всё земное, дабы предаться своему вышнему предназначению” – продолжил размышлять юноша.

Будто читая мысли его души, дева серьезнела, несколько прищуривала глазки, те непокорные планеты не затмевались солнцем. Смиряла наваждение помыслов юноши, и, улыба-

ясь, смахивала ресницами его угрюмое настроение. Но он не осклаблялся в ответ, не поступался уверенностью своих умственных изысканий, напротив, охотно продолжал доискиваться до вышней цели их совместного существования. Когда он страдает, она сострадает ему, когда он любит, она однажды возлюбит его. Но так ли это? Любящее сердце юноши подсказывало, что не быть им вместе, не быть им семьей спасающей души в честном супружестве, не стать им единой плотью. Однако при всём этом угрюмом предзнаменовании, некая таинственная связь подстрекала их жизни слиться в едином дружественном русле, словно ткачиха судьба позабыла о союзе сих двух жизней. Пускай, они связаны всего лишь скоропалительными и капризными мгновениями, пускай, они различно и междоусобно живут. Они были Господом благословлены встретиться на перепутье веков. Подобные созвездьям звезд, они кажутся столь близкими и родными, на самом же деле расстояние между ними невообразимо превосходит любые земные меры измерения. Столь метафорично можно охарактеризовать их отношения, ибо они не были помолвлены, они не были греховными любовниками сожителями, они всегда были больше чем друзья, но и не родственниками, не врагами, и не соратниками. Они были сотворены Творцом для любви, ради мира созидания, и сие естественное чувство и служение Богу наделяло их человечностью, и этого было вполне достаточно, чтобы им быть вместе.

Предвидя тайны мироздания, творец погружался душой в засекреченные необъяснимые просторы бытия, привольно наделяя девушку должной земной и небесной красотой, полное очарование которой было сокрыто от него, ведь девичья невинность выдается в мельчайших жестах, взглядах, помыслах, посему оные аспекты её поведения скромны, стыдливы и чисты. Каждая её манипуляция с воздухом, либо с волосами, фокусируют всё внимание юноши на девушке, обозначая её привлекательным объектом многогранности вышних красот. Посему всякое повествование, следуя за созерцанием, несколько уступает по силе восторга и не столь содрогаются трепетом, сколь требует должное описание его предмета обожания, отчего многое видимое приснопамятное озарение, нуждается в осмыслении пространном. Так ничто в мире не может быть простым, либо односложным, ибо всё душевное мудрено насыщается любовной божественностью. Посему мельчайшая крупичка мироздания приняла в себя светлейшую славнейшую мощь Творца. И не сосчитать, сколько сих былинков в человеке, мириады их, которые чудесны, различны по свойствам, видимо, потому душа столь легка и прозрачна, в то же время крепка и неразрывна. И юноша, казалось, наблюдал за проблесками души девы, словно замороженный льстился лучами её славы, пренебрегая своим собственным величием.

В храме Божьем горят свечи символизирующие расточение мрака, молитвенное горение пред Богом, которые све-

тят в ночи подобно звездам. Также подобны космосу очи человеческие наделенные белизной, цветом, и тьмой. В совокупности очи человеческие глубинны. И именно ту белизну знаний и красот познавал юноша, любуясь глазами девушки, которые, отражая лунный далекий матовый свет, казались сказочными светильниками. Но сколь обманчивы те блики вечности, они способны отвлечь от истинного блаженства. Будучи сердечным романтиком, юноша мог бы отдаться той малой земной любви, пожертвовав себя во славу деви, ведь любовь есть жертвенность, но тогда ему станет недоступна бескорыстная любовь к Богу, увлеченный творением, он предаст забвению Творца. Так могло бы быть, однако серьезно поразмыслив, он избрал вышний горний путь. Он не прилепится сердцем к миру, ведь путь любви к женщине непредсказуем, она в любой момент легко может отвергнуть его, в любое мгновение способна отвернуться от него, и тогда юноша погибнет, ведь она способна смертельно ранить словом. Женщина часто склоняется к измене, когда на горизонте жизни маячит более мужественный претендент на её благосклонность. Женщина может обласкать и тут же грубо отринуть от себя, в ней слишком много непостоянства. Но Бог неизменен в святости и в любви к человеку. Через несколько десятков лет муза постареет, утратит девичью красоту и грацию, звонкую ласковость голоса, нежность рук, она одряхлеет, затем и вовсе угаснет, а душа её устремится в Царствие Небесное. Что же останется творцу: скорбеть, убиваться, сте-

нать, или идти следом за нею? Но Спаситель воскрес, Он вечен, Он достоин любви сердца человеческого, которое принадлежит Ему как Создателю. А муза, она лишь мгновение на земле, лучик света, ниспосланный грешному творцу, как надежда на прощение грехов. Ибо он греховен не делом, но грешен вольностью мысли и страстью взора. Однако в те минуты канувшего в Лету прошлого помышления юноши были верными истине, рассудительными, богобоязненными.

Посему, недолго думая, он вскоре распрощался с оным пленительным видением. А дева в свой черед, просталась с ним и легко, непринужденно, после, словно на крыльях направилась в сторону своей одинокой лачуги на холме. В ту минуту он не чувствовал себя жестоким к ней, ибо в девушке нет той великой любви к нему, обязывающей его быть безмерно учтивым, она ощущала только душевную дружескую привязанность к нему. Юноша же поступал мудро, потому не посягал на её руку и сердце, он не стал молить ее о милости, о снисхождении, он был не достоин столь жалкой участи быть слугой сердца своего. Мучеником бесславия – вот кем он был. Ведь предназначение его таинственно пространно зашифровано в судьбе. И никто, даже самый пророческий провидец не смог бы поведать ему о грядущем, ибо будущее уже начинало сбываться, начинали обретать очертания прямые линии, местами меняясь на волнообразную структуру координат пути. Оные определенные иногда непознаваемые события изобличает и претворяет само время.

Любовь это не чувство, и не качество, любовь это качественное чувство. Оригинальность сего определения, несомненно, неоспорима, однако необходимо должным рассуждением разъяснить, что такое чувство и что есть качество. Чувства творятся душой, сие есть процесс зажжения эфира, духовное возвеличивание, либо духовное оскудение, когда чувства угасают. Безусловно, на произволения души реагирует плоть, в особенности учащенным сердцебиением, дрожью, слезами и иными. Качества также творятся душой, это особое отношение, смиренное и доброе, незлобивое и безвинное, ведь любовь это совокупность положительных качеств направленных в сторону человека. И соединив чувство и качество, получим качественное чувство, которое возможно именовать любовью. Однажды, увидев оную, не спутать её ни с чем иным.

Подобным образом сентиментальный юноша мечтал распознать в деве собственное чувство, оное праведное качество, но казалось, что их чувства настолько различны, насколько отличны друг от друга все творенья Божьи. В то время как любовь к Богу должна превышать все иные чувствования души, и юноша охотно принимал данную истину, влагая её в сердце своё, решивши никому не позволять расхищать сие сокровенное сокровище души. Никакие, даже самые прекрасные девы не смогут растащить его сердце юное на куски, на обломки, его целомудрие полностью предано Богу, его девственность одному Ему принадлежит.

Столь мудро заключал мысль свою творец, прощаясь с исчезающим в сумерках видением. “Я ведаю, какова она, ибо по плодам узнается древо” – думал юноша и несколько печалился.

Юноша не проявил слабость, отринувши теплоту девичью, столь обманчивую и обольстительную в пору юности. Тогда он исполнил заповедь Господа, не воззрися на неё с вожделением греховным. Никогда он не позволит ей себя искушать, потому он не падет, не заплутает в лабиринтах суетности мира сего. Ибо он был сотворен Творцом для более высокой цели, призвание его не от мира сего, и зовется сие – созерцанием. Оно умозрительное душевное возвышение лишено корыстолюбия, либо тщеславия.

Невинность дышит и укрепляется девством честным. И юноша во все лета свои хранил чистоту телесную и чистоту душевную, так он заповедовал себе, обетом запрещая все непотребства и нечистоты способные извратить и поколебать благость мирозерцания. Он не будет осквернен женщиной и над женщиной он никогда не надругается. Посему муза сохранит девство своё, и сие благотворное стяжание спасет душу её от многих страстей. Столь благородно ответственствовал юноша, с любовью размышляя о деве, со всей заботой оберегая её от грехопадения.

Внешний трагизм мироздания размылся прозрачной матовой туманностью, отчего помышления души стали главенствовать в нём, увлекая помыслы в самые замысловатые

пространства. Не замечая поступающий вечерний холод, не ощущая влажность падающего с неба дождя, не слыша дальние раскаты грома, он, завороченный, всматривался в еле уловимый зрением белый удаляющийся силуэт девичьей фигурки на фоне иссиня-черных переливов исполосованных яркими зарницами. В сей застывшей картине разлуки, наглядно демонстрировалась вся меланхоличная философия романтики, в которой дева словно фантазия манит за собой, то ли тлеет угольком воспоминания, то ли взрывом воображения зовет, и в то же время кажется столь недостижимой, неприкосновенной. Если бы он вздумал погнаться вслед за нею, то вскоре в скорбях и мечтах он погиб отвергнутый ею, если б остался здесь созерцать сей туманный силуэт, то сохранил бы сердце своё, грезя слезно о звезде небесной. Может быть, тогда, ему следовало бы затворить все свои органы чувств, дабы сердце его укрылось верою от невзгод, дабы впредь помышлять ему только о Боге, о прекрасном и вечном Боге, а не о тлене земном. В том выражается вся суть любви к деве, сие есть – созерцание божественной искры, когда видишь не то, какова она есть, но то, какую она могла бы стать, если бы избрала жизнь праведную и тем осветилась. Святой Дух Божий дарующий всем жизнь, сама романтика призывает непрестанно находить в любимом человеке красоту невинности и девства, и только сие благочиние следует воспевать в песнопениях любовных. Таким созерцательным образом и поступал творец, словно предвидя все горести и

лишения земного пути своего, он избрал для себя призвание быть странником, который недвижно телом стоит на месте, но душою вездесущ. Впредь и всегда он будет послушен воле Божьей, целомудрен во все лета жизни своей, при великих дарованиях и славе, будет в нищете молить о скудости земных богатств, и будет миролюбиво терпеть любое насилие направленное супротив его тела и его души. Обещал сие, заключая тем истину своей жизни в сосуд сердца своего, он обещался исполнить то, что должно ему воплотить. Однако доподлинно не осознавал юноша во всей полноте мудрости веков, сколь удивительная и чудотворная судьба ему уготована Господом.

Монашеский страннический образ жизни он однажды избрал для себя, посему только покой и тишина блаженны для него, то безмолвие и миролюбие, созерцательная утешительная любовь, безграничная мечтательность и самозабвенное служение Богу, вот бесценные ценности его жизни. И он, настоящий безвременный герой, ибо герой тот, кто никогда не причинит насилие и боль человеку, и любому другому живому существу, он подставит вторую щеку обидчику своему, всего себя отдаст на поругание, но не согрешит. А злодеями являются те, кто причиняет боль и мстит, грехом отвечают на грех, кто властвует, судит и лишает свободы, таковые ложно прозваны героями, на самом деле они простые убийцы и насильники. Сей юноша был миролюбив, потому всегда ощущал себя крайне одиноким среди людей, лишь Спаситель

благословлял его единственно верный жизненный путь. На своём веку ему предстояло вразумить многих заблудших людей, весь мир просветить истиной. Он вознамерился успеть изменить весь мир до второго пришествия Иисуса Христа, дабы в добродетели встретить Спасителя. На столь высокую ступень собственного духовного совершенствования пожелал вступить юноша, ведь мудрость только в юности возрастает, затем укрепляется с течением лет. Он ведал, что только миролюбивый девственник, обретший бесстрашие, осветится премудростью Духа Божия.

Глава третья. Вековое древо

Всякое древо узнается по плодам. Но многие из них лишь листвою наделены, листья их, подобно страницам книг берегут и хранят в прожилках своих прожитые дни, годы, столетия. Подобно вечному стражу, вззирающему на людские судьбы, одно древо произросло прежде сотворения первого человека. Покуда не был создан человек, всё было, но полноценно не жило, только после того, как Адам нарек именами всё видимое им и невидимое, именно тогда-то всё сущее приобрело служение, ибо без человека всё теряет смысл и цель. Посему всякое древо произрастает ради человека и живет, покуда ему есть о чём писать. Летопись времен на кроне древа извиристо образована, листвою впитывает оно человеческие мысли и изречения, те, что дурны и злы, засохшей листвою осенью опадают, превращаясь в пыль и прах, а помыслы добрые распускаются соцветиями и почками, превращаясь в новые свежие зеленые листья. Когда древо ветшает, оно медленно начинает засыхать, сие означает оскудение любви и веры в людях, однажды сей образ символом кончины века станется. Но покуда в зелени древо прибывает, мир жив святыми душами питающими древо слезами покаяния и молитвами о милости Господней.

К сему вековому исполину поспешал испуганный юно-

ша, дабы укрыться за обширной кроной дерева от непогоды. Ветер воротил его назад, а дождь обрушивался сильнейшим ливнем. Затем несколько задержавшись на месте, он несколько секунд рассматривал черную опаленную гречиху, видя в том некое предзнаменование, и двигался далее. В то время молния разрасталась с каждым всполохом, прорываясь сквозь грозовые тучи, она устремлялась, тянулась жалящим острием своим к бегущему объекту посреди открытой местности. Ноги коего скользили по влажной траве, спотыкаясь и местами падая в неглубокие впадины в земле, он словно прорывался сквозь баррикады. Словно ему препятствовали все стихии: вода, воздух, земля и огонь гроз. Но ведь ради него одного всё сие создано Творцом, значит, сие должно быть подвластно ему, однако мир сопротивлялся ему, будто осмелившись на дерзость и неподчинение, тяготился его гордостью, вспоминая о высоком предназначении, о величии человеческом, в сравнении со всем миром. Юноша даже изредка останавливался на мгновение, поднявши главу вверх, расправляя руки в стороны, дабы ощутить на себе сильнейший удар разбушевавшихся природных явлений происходящих по воле провидения. Казалось, что дождевые капли покрывали каждый сантиметр его кожи и одежды, казалось, будто ветер шевелил каждый его волос, каждый лоскут ткани приводил в движение. А молния ударяла совсем близко, отчего всполохи света полностью освещали его одинокую фигуру. Но творец в тот момент думал не о себе, он

жалостливо вспоминал о музе, которая также терпела ненастье, ему хотелось укрыть её, защитить, проводить до укрытия дома.

Очередная кривая лучезарная молния ударила в землю возле него, забрызгивая его водою и грязью, отчего мысли юноши о скором возвращении домой моментально испарялись, ибо грозы начинали хаотично бить отовсюду, ослепляя, прогоняя к дереву, заграждая и отсекая иной путь отступления. Он ощущал на себе лишь толику той губительной мощи того электрического разряда и сие зрелище ужасало. После каждого удара, звучал оглушительный хлопок грома, иногда, словно разрывающий небеса. То с левой стороны, то с правой, ударялись волнообразные сгустки молний, сцепляясь в единую грозовую сеть, убийственную и устрашающую видом своим. Юноша, ступая с осторожностью, уклонялся от молний как мог, зная, что она в одно и то же место дважды не бьет, посему он передвигался хаотично. Завидев уже совсем близко вековой дуб, он будто осмелел, отчего побежал напрямик, минуя все видимые и невидимые препятствия. В том вековом странном дереве он усматривал своё спасенье, в Божьей милости творенья. Вот он – живой ответ на его молитвы о вразумленье души. Однако в его телесных жилах по-прежнему стыла кровь от холода и страха, но цель его жизни именно тогда стала зримой, отчего он уверенно ринулся навстречу своей судьбе.

Приблизившись к вековому дереву и различив во тьме

ночи извилистую крону и блики света на влажной листве, юноша воодушевленно обрадовался сему видению. Однако вдруг произошло нечто вовсе неожиданное. В дуб ударила огромнейшая и ярчайшая молния из всех когда-либо видимых им, разделившую ствол дерева пополам, пробив брешь у самых его корней. Однако чудесным образом дерево устояло, постепенно распадаясь надвое. После вторая молния ударила позади юноши, швырнув, отбросив его вперед словно марионетку. В то время он ощущал, как электрические искры коснулись его конечностей, обожгли его спину, но сие он смутно запомнил, утратив всякое сознание, в тот момент, когда его тело приземлялось прямоком в свежий разрез в кроне дерева. Все другие молнии, словно то был некий замысел, умышленно ударяли по двум боковым сторонам, чтобы соединить ствол и кору дерева в обратное изначальное положение. Так юноша вскоре навек оказался заключенным в вековом древе. Древесина сдавливала его шею и плечи. Очнувшись, он не мог шевелиться, не мог говорить, отчетливо ощущая странное единение с деревом. Все жизненные соки дерева перетекали в юношу, излечивая его и наделяя бессмертием, будто молния передала ему все чудесные свойства и возможности дерева. И на том время будто остановилось. Он более не ощущал то беспечное течение изменений в самом себе. Он, кажется, остался человеком, в то же время кардинально изменился, он обрел божественные дарования, о коих ранее не мог и помыслить. Боли не было, не бы-

ло и страданий, только безграничный покой, неисчерпаемое непреходящее миролюбие. Он, кажется, разучился говорить, двигаться, но не утратил мышление души, все чувства, переживания. Но обрел божественную созерцательность, ощущая себя ребенком ныне родившимся. Вот новый мир, новые ощущения, новая история одной новой жизни.

Подобно грозному гласу в последний раз гремел гром. И всё стихало. Ветра с ревом и визгом уносились вдаль, в иные доколе мирные просторы. А дождь вовсе мельчал, будто слезно капая, оплакивал свой скорый уход, ведь облака не стояли на месте, они стремительно перемещались.

Вначале творец во тьме прибывал кромешной, словно бездна над ним развернулась. Подобно духу он ощущал себя парящим во тьме, тело своё он вовсе перестал чувствовать. Затем явился восстающий светоч, это круг солнца выплывал из-за горизонта. “Я не ослеп, мне виден свет” – с радостью думал юноша, он видел мир, но движение глаз не ощущал, словно он иным зрением созерцал сей светило. Медленно рассветало. От светила начинали расходиться по небу световые брызги, лучи, отблески. Различались первые цвета. Черный космос начинал разбавляться темно-синими оттенками, кое-где проступали лазурные тона, к ним примешивались морские зеленые краски. В то время как солнце поднималось всё выше, приобретая оранжевый контур, расплзающийся во все стороны света, красное зарево облагрило небо, которое смягчали желтые цвета различные по насыщенно-

сти и яркости. И не было в том ни одного похожего оттенка, все они словно жили своею уникальной жизнью, имели своё личное эстетическое предназначение. Это первое что увидел юноша после произошедшего ночного события. Рассвет, не только растворил, перекрыл тьму, в которой дотоле ему было находиться спокойно и даже мирно, но столь одиноко, столь бесчувственно, отчего он обрадовался созерцанию света. И вправду видя сие словно впервые, раньше, он будто не замечал красоту света, ныне, словно впервые он познавал цвета, не помнил их названия, но это было и не важно, главное, что они обогащали его воображение. Теперь он мог раскрасить оными красками что угодно, мог свои мысли и чувства раскрасить в любые цвета. Затем явилось понимание различия красок по их яркости и глубине. Цвета вызывали в нём различные чувства, которые словно угасли в его душе, видимо от удара молнии творец утратил не только телесную чувственность, но также и душевную чувствительность. Он словно стал первооткрывателем самого себя. Ему предстояло заново познать сотворенный Творцом мир, полный чудес и величия Божьего.

Однако в теперешней своей жизни, юноша ощущал себя беспомощным, бесполезным, подобно человеку больному, неспособному передвигаться и трудиться. Такому человеку остается лишь терпеть и молить Господа, ожидая исцеления либо кончины. Но творец не унывал, ибо ему явилось сотворение мира, и он прославил Творца своими благодар-

ственными и поклонными чувствами. Не думая о том, каков он сейчас, какова его судьба, каково его предназначение, он лишь познавал то, что ему открывалось и тем жил, в том находил смысл жизни.

В то время светило разрасталось, становясь ярче, освещая просторы небес, кои некогда были полностью сокрыты. Вот появилась белизна, та дымчатая полоса, которая в скором времени превратится в облака. Всё сие поражало воображение творца. Солнце поднималось всё выше, отчего рассветные краски бледнели, а синеватые фоновые оттенки медленно проступали, даруя созерцанию зрителя еще массу новых цветов и полутонов: розовый, светло-желтый, изумрудно-голубой, все вариации синего раскрасили небо, явив небесную красоту. Затем белила с серыми слоями начинали заполнять небо, несколько смягчая солнечное свечение. Белила уплотнялись, меняя форму, то разрастаясь, то сужаясь, их очертания то размывались, то обретали четкость контура, белила походили на видимый сконцентрированный воздух, отчего юноше хотелось неотрывно смотреть на них. Облака расщеплялись, вновь сходились и по воле неведомой силы раздвигались подобно вратам. Юноша мог созерцать лишь один участок неба, посему облака то уходили из его радиуса обзора, то вновь прилетали видоизмененные, подросшие в размерах.

Затем утреннее солнце осветило то место, где произрастало древо, в котором ныне находился творец, в оном заточении, ведь он столь возгордился, сравнивая себя с Творцом,

желая познать, каково это, создать мир, предназначенный для человека. Посему отныне он скован древесиной, дабы познать мироздание, которое он столь редко замечал, сколь редко задумывался о духовной стороне всего сущего, видя лишь часть мира, не познавая всю полноту красоты духа, не созерцал Божьи творения, оные прекрасные создания, призванные к любви к Богу. Отныне же ему довелось созерцать само сотворение мира, исполнилось то, о чём он ранее только мечтал. Но, к сожалению, то была не любовь ко всему сущему, то были потуги гордости и надменности, даже высокомерия, когда он заносчиво воображал себя Творцом, хотя на самом деле всегда был простым человеком, хотя и с необычной судьбой.

Направив своё зрение с небес на землю, он разглядывал черное пространство, будто схожую с той тьмой космоса, виденной им ранее, за одним исключением, местами в оной темноте виднелись зияющие ямы, разбросанные по округе. То была нагая незащищенная земля предстоящая взору юноши, она, исполосованная градами, была не мертва, но лишь не засеяна.

Созерцая образ земли, юноша со временем поймет, что страдания и болезни даруются человеку ради вразумления, ведущего к покаянию, к прощению грехов, либо они знаменуют начало новой жизни, новой ступени, на которую предстоит взойти страстотерпцу, отказывающегося от страстей и пустого бесплодного времяпровождения. Ибо мудрость по-

стигается постепенно, взрослением духовным. Множество существует путей ведущих к мудрости, одним людям необходимо человеколюбивое отшельничество и уединение, другие предпочитают жить человеколюбиво в обществе себе подобных. Мудрость достигается учением, либо испытаниями, житейскими невзгодами, духовными подвигами, добродетелями. Стяжанием Духа Святого достигается целомудрие.

Таким образом, мудрое вековое древо, чьи прародители деревья эдемские райские, приняло в себя человека, даровав тому свои силы, свое служение, поделилось бессмертием и созерцанием, прозорливостью судеб мира. Дабы тот поборол в себе гордыню и зависть, дабы очистился от грехов, смягчил былую черствость души своей и прозрел, узрев красоту Божьего мира, вещественного и духовного, видимого и невидимого.

Глава четвертая. Мирозерцание

Время для творца перестало существовать, утратив свою всегдашнюю важность. Вернее он утратил счет времени, находясь, дни или годы в таком плененном состоянии, или же лишь часы, было с точностью не определить, впрочем, он особенно не задумывался о том. Он был полностью поглощен процессом созерцания, ведь его взору представляли всё новые и новые чудеса мироздания.

Вначале он заметил парящую в воздухе былинку, маленькую, еле заметную, но столь жизненно важную, что и представить было трудно, насколько она значительна. Влекла сей былинка за собою неизвестность, загадочность, посему она неведомо вертелась, вальсируя на ветру, столь неоднозначно, неопределенно. Крошечная, но столь бесценная, она вскоре упала, приземлилась на гладь небольшой лужи, которая уже начинала высыхать, ведь солнце не только светило, но и делилось с окружающим миром своим теплом. Когда вода напитала землю, тогда-то былинка и проникла в тончайшую ямку в почве, ветер её засыпал и юноша понял, наконец, что это было семя, которое вскоре проросло, открылось и пустило коренья. Затем у семени вырос стебелек с двумя листочками, ярко зелеными, такими веселыми, живыми, юными. Вскоре растение начало возрастать, появлялись

всё новые и новые ряды листьев. Потом налился бутон, который спустя несколько дней раскрылся, и тогда произросли белые лепестки, желтая сердцевина. Цветы распускались, дивные, маленькие, трудно было понять, в чём именно заключается их красота, то ли в гармонии, то ли в изяществе линий. Не в растительной симметрии юноша находил красоту, напротив, листья и бутоны растения располагались по разные стороны, и она небрежность придавала всему некую необычность. Цветки благоухали слабо, однако сладковатый аромат всё же распространялся, долетая до обоняния творца, также иногда прилетали бабочки и шмели, находя цветочный нектар. Аромат означал скорое взросление сердцевинки цветка, которая скоро должна была превратиться в ягоду. Так и произошло, поначалу они были зелеными, с крошечными семечками по поверхности, затем они желтели, а после краснели, алели, наливаясь ярким цветом, и чем краше становились, тем ароматней. Оказалось, что они не только красивы, но также и съедобны. Прилетевшие птицы склевывали первую спелую ягодку и насытились, а растение в ответ дало еще больше ростков для насыщения многих.

Вот небольшая птичка, резво двигаясь, прыгала на двух тоненьких лапках по земле. Она, высматривая семечки, выклевывала их, её головка постоянно поворачивалась из стороны в сторону, выискивая что-нибудь съедобное. Клювик и головка её были черненькими, с белыми пятнами вокруг глазок, оперение местами желтое, местами синеватое, хво-

стик длинный и тупой на конце. Срывая ягоды, синица зорко оглядывалась, копошилась в траве. Но увидев более крупную птицу, юрко взмахнула крылышками и улетела. На землю приземлилась голубка, бело-синего оперения, с постоянно подвижной головкой, она важно расхаживала, покуда не прилетела белоснежная чайка, в когтях которой была зажата рыба.

Птица оставила рыбу прямо перед душевными очами творца, посему он смог её хорошенько разглядеть. То продольное телосложение, те плавники, хвост, раскрывающиеся жабры и вновь закрывающиеся, глаза, серебристую чешую. Он созерцал и жалел её, ибо ведал, что без воды она вскоре погибнет. Но тут начался очередной дождь, потекли бурные ручьи и смыли рыбину, понесли её в сторону реки, отчего та сразу встрепенулась, зашевелилась, в родной водной стихии она ожила. Тем временем проливной дождь продолжал обильно питать землю, после чего из земли начинали произрастать новые травинки. В мгновение ока вся поляна возле дерева преобразилась. Юноша наблюдал со стороны на всё сие пиришествво красок и неустанно дивился сему.

Вот перепрыгивая через лужи и кочки, на четырех лапах к дереву подбежала кошка, а за нею вдаль следовала собака. Кошка прислонилась к дереву, дабы обтереть свою белую шерстку, по всему виду ей явно не нравилась дождливая погода. Следом пришла рыжая собака, остроухая, с длинной мордочкой и закрученным хвостиком в форме баранки. Она

лизнула кошку, а та в ответ лишь поморщилась, встряхнулась и залезла на ветку дерева. Собака посмотрела вверх, заскулила и побежала дальше. Под тяжестью мохнатого животного ветвь древа нагнулась, и творец смог её впервые разглядеть. Те прямые либо искривлённые ветки, на коих выросли овальные листочки, темно-зеленные, даже бурые.

Юноша видел, как росли ветви дерева, как прорезались сквозь кору, как росли отростки, тоненькие веточки. Затем чувствовал, как по нему ползали насекомые. А опавшая листва скрывала его от глаз людских.

Вскоре он смог созерцать первого человека, то был юноша двадцати пяти лет, стройный и длинноволосый, тот стал часто приходить к вековому древу, после того как земля с растительностью на ней возвратила свою первоначальную красоту замысла Творца. Сей юноша иногда гулял по полям, но чаще прижимался спиною к стволу древа, доставал листы бумаги, перо, чернила, и начинал писать строчкой за строчкой свои бессмертные поэмы. То был поэт.

Пленник древа словно видел его чистую возвышенную душу, видел любовь в сердце поэта, который непрестанно творил, душою и руками, излагая свои высокие романтические чувства на бумаге. Однако сей поэт вдохновлялся не только внешним миром, но и внутренним, он воспевал свои чувства, слезы, мечты, фантазии. Отчего творец усмотрел в нём Дух Святой даровавший жизнь всему виденному когда-либо им. Именно в человеке целостность всего материального и

духовного, человек состоит из тела, души и духа Божия, и он воистину венец творения.

Поэт в очередной раз начинал сочинять, под тенью дуба сокрытый от палящего солнца. Он написал несколько строк и творец из-под его плеча, невидимо и безмолвно смог прочесть написанное поэтом краткое четверостишие.

Умилюсь подобно ангельским чинам,
Покорно поклонюсь, склонив чело.
Позволю трепетать созерцательным очам,
Сей благолепное виденье любовь во мне зачло.

Сколь верно – подумалось творцу, сколь оные слова отражают действительность его собственного мировоззрения. Посему не переставая восхищаться поэзией, созерцатель зачитывался теми писаниями, его удивляли те сравнения и метафоры, используемые поэтом столь живо и прекрасно, их сложение равнялось с чудом, ибо описание красоты само по себе чудесно. В стихах поэта улавливалась истинная любовь, жертвенность, верность, он был высоконравственным и добродетельным юношей, способным на искренние чувства. По тому, как тот обращался с растениями и животными, видно было насколько добр поэт, сколь он миролюбив. Творцу нравились его вечерние посещения полные гармонии творчества.

Однажды поэт явился к дереву не один, вместе с ним при-

шла девушка в белоснежном платье до щиколоток, прекрасная, словно несорванная распутившаяся лилия. То была его возлюбленная муза. Каждое её движение казалось легким, невесомым, её голос нежный и ласковый, отличался тонкостью и напевностью. В ней явственно выделялись чистота и невинность. Целомудренная и девственная, она буквально светилась непорочностью. Вместе они одинаково ценившие Божий дар девства, не касались друг друга, не говорили и не думали о пороке. Вместе они дружно проводили вечера в сочинении стихотворений, в чтении книг, в беседах, или же попросту любовались закатом. Творец наблюдал за ними, находясь в заточении древа сокрытый листвою и молчанием. Ему пришлась по душе скромность и кроткое обращение молодых людей друг к другу, они были внимательны, сострадательны, учтивы, весьма обходительны.

Девушка также сочиняла, и тем вдохновляла поэта, ведь женщина творец, она и помощник творцу. Таким образом, они проводили своё свободное от служения время, предаваясь философской мысли и сотворению небесной поэтики. Иногда они любовно взирали друг на друга, бросая стыдливые взгляды полные смущенья. Сей вечерние прогулки возле векового древа они проводили мирно, не заботясь о хлебе насущном. Затворник древа умилялся им, слушая их трепетные разговоры, чувствуя, сколь много в них восторга и любви, он заражался теми необычайно интригующими чувствами, ведь оные люди благословлены Богом, ведь они столь

безгрешны. Созерцатель, казалось, мог видеть сами помыслы сих молодых людей, кои оказались чисты, ведь они помышляли только о добром, о вечном, о непорочном. Дух Божий витал среди них и всюду следовал за ними, ибо без Его промыслительной человеколюбивой воли не взойдет ни одно семечко, ни одна капля с неба не упадет. И тело человека живо покуда в нём есть дух. Творец коснулся всего, каждое творение Свое, наделив божественной искрой. Именно тогда пленник древа воистину осознал, сколь сильно он ошибался насчет себя, ибо он представлял себя создателем мироздания, в то горделивое мгновение в нём возвеличивалось творческое чувство, дар создания, но проникнуть духом в бытие мира он не мог, ибо он всегда был только созерцателем, но не творцом.

В его душе роились всевозможные чувства, здесь было и восхищение, и самоуничужение. Он ощущал себя свободным, будучи затворником, не понимая, за что ему даровано созерцание красот Божьего мира. Он не мог назвать себя ни праведником, ни преступником, которого осудили на вековое заточение в древе, или же наоборот благословили тем, отрешив его от суеты и бесполезных мудрствований. Одним словом он был беспокоен сердцем, не зная, каким образом описать, либо рассудить теперешнюю его жизнь. Он не знал, сколько ему осталось вот так жить, что ожидать в дальнейшем, на что надеется. Но когда он узрел действие Духа Святого во всём сущем на земле и на небе, все его сомнения раз-

веялись эфирным прахом, оставив в душе его лишь искреннее благодарение.

Единодушно в нём жили умиление и смирение, отныне он мог спокойно поразмыслить о своей грешной душе. Ведь к древу иногда прилетали два невидимых для других существа, то были ангел и бес. И слыша их разговоры, творец понимал, где в его прошлой жизни были искушения, где он когда-то пал согрешив, или когда и где он совершил добродетель. Будучи в немощи и в заточении, он помышлял о многом значимом, оставив былую суетность размышлений. Он просмотрел всю свою жизнь и осудил её за высокомерность и горделивость, за бывшее ложное величание и самовозвышение. Оказывается, сколь редко он следил за правильностью своих поступков, деяний, свершений, сколь редко он радел о своих помыслах и словах, порою говоря бездумно и думая бессовестно. Он жил одними плотскими чувствами, которые всечасно разжигались злыми духами. Оказывается, сколь часто он не прибегал к молитве, не звал о помощи, надеясь на свои слабости, ибо силы не было в нём, потому столь часто он грешил, позабыв о Господе. Он ощущал себя больным человеком, прикованным к кровати, и окромя раздумий о покаянии, его ничего более не заботило, здесь никто не отвлекал его от молитвы. Лишенный суетных земных радостей, потерявши к ним интерес и вкус, он предавался богомыслию, помышляя о судьбе души своей.

Мироздание со всеми его красотами перестало воспевать

любопытность творца, отныне им завладело молитвенное бдение, непрестанное раскаяние, надежда на милость Божию. Однако он не отчаивался, не унывал, но и подлинно не радовался сердцем, понимая, сколь далек он был от Господа. Его мирозерцание не уменьшалось, а скорее возрастало до диалога с Богом. Обративши всё своё созерцание на душу свою, он пролил немало слез в жажде очищения. Душа его, некогда стлавшая истерзанная грехом, ныне излечивалась, отвергая страсти и беззакония. Дух Божий был рядом с ним, внимая его искреннему молитвенному исповеданию и благодарению за всё. Таким образом, творец чувствовал изменения в своей душе, в нем возрождалась истинная любовь, любовь к Богу, любовь к людям. Ведь все прошлые его воздыхания оказались ложью и иллюзиями навеянными бесами, которые всячески сбивали его с верного пути, подсовывая различные чувственные объекты, то женщину, то тленный труд, то празднословие и суемудрие. Всем тем он охотно обманывался, ложно называя любовью, долгом, традицией. Ибо только Бог дарует жизнь вечную, только Спаситель спасает, всё остальное временно и непостоянно. Царствие Небесное приблизилось, и оно должно воцариться в душе человека прежде исхода, дабы прибывать тому с Господом всегда.

Неизреченное благословение, вызванное величием Бога, настолько всеобъемлюще охватывало творца, отчего он не мог словесным образом выразить свои возгорания душевных

чувств умильности, только молитвы могли вместить то цветение его любви к Господу. Он не превозносился над мирозданием, ибо знал, что сотворен Творцом, в то же время он больше всего мироздания, ибо бессмертен душой. Уверовав во Христа, он обрел жизнь вечную, он уподобился Ему, исполняя заповеди и наветы Его. Истина здесь, совсем рядом, нужно лишь обратиться к Богу душой. Ибо на протяжении всей жизни земной Господь управлял судьбой его, из любви преграждал ему путь, из любви вразумлял, из любви одаривал. Порою, творец не ценил те уроки Божьи, не слушал слов Его, забывал о Нем, увлекаясь праздностью, ленился обогащаться духовно. Нынче, прибывая в немощи, он доподлинно осознал, что не Господь виновен в его бедах, а он сам себя наказывал, живя распутно и двулично, даже лицемерно. Жил словно по двум временам, одно малое время уделял делам возвышенным, затем предавался низменности, и той земной суеты в его былой жизни было больше, гораздо больше, нежели здравого рассуждения. Посему его боголюбие подобное одинокому островку было окружено морем праздности и смехотворства. Но ту жизнь заново не переписать, однако прошедшее всё ж изменчиво, покаяние властно над прошлым, если кающийся человек обладает честностью и богобоязностью. Однако ничто не способно наделить смыслом пустое времяпровождение, никто прошлую бесплодность не исправит. Ныне же преобразование происходило в душе творца, с вразумлением милостью Божьей происходило чудо. Та-

ким пространственным образом, творец претерпевал преобразование своего внутреннего мира.

Изменившись душою, он однажды почувствовал, что хватка древесины ослабла, потрескалась, отчего он сумел высвободиться из оков векового дерева. Закоченев, казалось, он разучился двигаться, однако он сумел сделать усилие, метнулся назад, пав на свежую траву, в бессилии и анемии. Дерево тем временем заросло и излечилось, остался лишь глубокий шрам удара молнии на кроне.

Так творец обрел неожиданную свободу, сколь и тогда в былой жизни, он мог пойти странствовать куда угодно, его влекла неизвестность, вернее он доподлинно не понимал для чего ему нужно куда-то идти, когда Господь здесь, рядом с ним.

Соки дерева текли в нём, их течение он отчетливо ощущал в себе. Когда физическое движение возвратилось к нему, он ощутил своё бессмертие. Освещенный Духом Божиим, он восстал из праха и пыли былых суетных дел, словно феникс возродился, дабы пламенно воспарить верою и любовью к Богу.

Глава пятая. Жизнетворчество

Восставший юноша возвратился в родные края свои, полагая, будто он отсутствовал всего несколько дней, на самом же деле минули столетия с тех пор, как провидение заточило его в древе, дабы вразумить и даровать тому новую судьбу. Вначале он посетил уединенный дом на холме, в котором некогда жила его муза. Но на том месте он застал лишь почерневший обветшалый остов человеческого жилища, полу-сгнившие доски коего держались на честном слове, а ржавые гвозди не могли их более скреплять. Половина крыши дома вовсе обвалилась, отчего затопленный пол обвалился, и вместо него зияла яма подпола. Сей дом и прежде обуреваемый всеми ветрами, только почуяв завывание, немедленно сотрясался и робел. Остов нынче вовсе качался из стороны в сторону, желая оторваться от земли и взлететь. Находиться рядом с сей мертвой постройкой, было небезопасно. Однако творец ничего не боялся, казалось, более ничто не могло ему навредить.

Затем он вернулся к людям и те не поверили его фантастическому рассказу о молнии, заточении и освобождении. Слушая его проповеди о целомудрии и миролюбии, они сочли его за помешанного бродягу и нарекли сумасшедшим. Слыша ругательства, он не печалился, но глубоко скорбел поте-

рей музы, которая давным-давно ушла в горный мир. Никто не мог утешить сего странного человека, никто не хотел приютить странника, не ведающего, какой нынче год от Рождества Христова и в какой стране он находится. Тем паче он не мог объяснить, кто он и с какой целью явился к ним, потому что и сам мучился всевозможными вопросами касательно его жизни.

В дальнейшем его лицо не оттеняли тени скорбных дум, ибо он истово молился о музы, и обо всех тех кои ушли в мир иной. Казалось, что в жизни творца благословленной бессмертием не происходило ничего существенного, о чём можно было бы повествовать подробно. Люди по-прежнему сторонились сего незнакомца, гнушаясь его отсталостью в плане приспособления к непрестанному прогрессу цивилизации. Впрочем, он сам был свидетелем того, как целые империи угасали, достигнув величества построенного на костях и лжи. Люди обходили стороной того, кого нельзя было убить, либо ранить, бессмертие творца выражалось не в сверхъестественной регенерации, а в невидимой духовной защите противостоящей и заслоняющей его от любых нападков, называемой миролубием. Воинствующие люди пытались умертвить творца, но их мечи ржавели и ломались, стрелы и копья переламывались, затем иного вида изобретенные орудия убийства попросту не выстреливали. Мужлань всех мастей ощущали слабость в руках своих, и не могли ударить его. И раз люди не могли избавиться от него, раз

они не могли заставить его не проповедовать им истину, то вскоре они вовсе перестали замечать сего человека, который говорит о добродетелях, не стареет и всё кого-то ждет. Но не смерти он ожидал, но встречи с Богом. Он желал и окружающих людей подготовить к пришествию Спасителя, однако не все прислушивались к его речам о Боге, ибо все жили своими мелочными суетными жизнями из поколения в поколение. Поэтому творец оставил упование и обратился к своей душе, именно её он приготавливал к сретению. Так он стал странником, который странствует по миру, созерцая мир своей души. Он нигде не мог отыскать себе пристанища, всюду его изгоняли, предавая забвению само его имя. Никто не мог запомнить черты его лица, ибо отцы не рассказывали о нём своим сыновьям, отчего цепь знания и памяти со временем разрывалась.

Творец обрел бесстрашие, он мог бы познать всё мирское, но познавал лишь духовное, он мог бы царствовать над всеми, но был последним среди всех, столь ничтожным, незаметным в глазах людских. Он мог бы овладеть всем, что видели недреманные очи его, но нестяжательство избрал он для себя, потому не имел ничего, кроме одежды и посоха. Он не нуждался в еде, в тепле, не нуждался ни в чём материальном. Стремясь к смиреномудрию, он никого не осуждал, безропотно наблюдая за людьми, испытывал радость или жалость к ним. Он радовался добродетелям и сожалел о грехах. Ничто не ускользало от его прозорливого взора.

Души, словно жемчужины, все настолько уникальные и различные, волновали разумение творца, потому вскоре он замыслил составить и написать “Книгу судеб”, дабы сохранить память о каждом сотворенном Богом человеке. Столь великий творческий замысел посетил его в странствиях. Однако к исполнению своего замысла он долго не приступал, слишком невозможным сие деяние ему представлялось. Ведь ему довелось повстречать многих нравственных и безнравственных людей. Он видел грешников и праведников, наблюдая за грешниками, он ожидал их вразумления и исправления, как и, созерцая людей святых и благочестивых, невинных, он ожидал не застать их грехов. Казалось, что творец прожил уже на земле многие сотни лет, но судьбы людские мало менялись, становились извилистей, либо намного проще, ибо, сколько людей, столько и судеб. Миллиарды судеб, и общими словами их не описать, однако творец находил в том простоту созерцания. Вот мужчины рождались и взрослели, одни из них стремились быть лидерами, другие пытались оставаться в тени первых, а иные вовсе отказывались быть в обществе, где царит подлый дух соперничества. Одни мужчины жили в грехе, в разврате, сребролюбии, властолюбии, чревоугодии, так и умирали в грязи, другие жили подобно им, но в преклонных летах раскаивались в грехах своих, уча потомков не повторять их ошибок. Иные с отрочества соблюдали приличие, хранили девство своё, не употребляли спиртные напитки, не курили, сторонились женщин, потому и жили

благородно и благоразумно, однако в конце жизни падали обольщенные ранее неведомым злом. Еще меньше было тех девственных мужчин, которые охраняли себя невинностью, будучи бесстрастными, они хранили непорочность свою на протяжении всей своей земной жизни, перейдя чистыми в жизнь вечную. Вот миллионы мужчин участвовали в войнах, кровожадно убивая друг друга, и лишь десятки миролюбивых мужчин отказывались убивать, соблюдая заповедь Христову о непротивлении злу силою. Так творец скорбно проходил мимо многочисленных сражений, и люди не могли ранить его, никто не мог навредить ему, отчего ему приходилось вырывать из их рук мечи и копья, он ломал их луки и стрелы, втапывал в землю ружья и мушкеты, сабли, рапиры, пушки. Но люди, оставшись безоружными, начинали молотить друг друга руками, пытаясь задушить врагов своих, и их безумие, казалось, нельзя было остановить. После сего горестного осознания творец падал на колени посреди побоища, крича, что есть силы истошным воплем отчаяния, омывая прах и пепел слезами своими. Ему было не под силу противостоять дьявольским силам. Ведь бесы всегда там, где кровь. И творец видел те тучи черных хищнических стай. Он уходил прочь, шел дальше, дабы не лицезреть зло чинимое ими.

Десятилетиями творец усматривал многообразие судеб людских, среди них не было ни одной похожей, каждый человек мог бы спастись, каждого человека искушал дьявол,

и сие противостояние не утиhalo. Одни привыкали не замечать распри внутри себя, другие явственно видели, где добро, а где зло.

Если бы однажды творец осмелился написать книгу судеб, то трудно представить, сколь объемиста была бы она, немислимо сколь велика.

Познав людей и не найдя приюта для своей души в их среде, творец всецело начал жить с Богом, непрестанно размышляя о Нем. Молитва стала его мыслью и речью и он обрел благодравный покой души. Ибо вся радость жизни заключена в общении с Богом посредством молитв и добродетелей. Так творец часто задумывался о смысле жизни, он читал многие многоречивые труды всевозможных философов и писателей, однако все они склонялись к бессмысленности жизни, либо к удовольствиям жизни, кои, по их мнению, необходимо познавать со всею животною жадностью. Но вопреки всему, творец познал истину, ибо смысл жизни он обрел в заповедях Христовых, в исполнении оных, в стяжании тем самым Духа Святого в душе своей, в послушании Богу с надеждою спасения. Познав истину, он вступил на путь спасения, без сомнения наделенный смыслом жизни, влекущий в жизнь вечную.

Творец созерцал божественное свечение, преисполняясь радостью неизреченной. Подобно пророку он странствовал, видя прекраснейшие явления и ужаснейшие преступления. Он побывал в эпицентре ядерного взрыва, он созерцал тот

смертный жар, ту всё разрушающую волну, поражаясь тому, сколь преуспело зло в изобретении орудий убийства. Люди с дьяволом создавали сей чудовищные орудия, которые несут лишь смерть и уничтожение не только всему живому, но и камням и земле, и оправдания тому злу нет и быть не может. Оных дьявольских изобретений не должно быть, но они есть, и они будут, покуда люди не образумятся, покуда дьяволу позволено изливать свою ненависть на человечество.

Но также он созерцал радость спасения, благодать молитвы, божественную милость. Видел сколь умиротворенно, радостно отходят праведники к Богу. День за днем он познавал доброту в людях, кои не обременены властью и господством над другими, кои просты жизнью, вера коих велика.

Только в вере творец усматривал наличие подлинной силы. Ибо Христос вочеловечился, дабы искупить грехи мира, значит, в том числе спасти и слабых простолюдинов. Для Господа тот силен, кто верен Ему, верен в малом и в большем. Однако понятие силы привыкли приписывать к властолюбию, к поддельному ложному мужеству, толкающему мужчин на совершение насилия, на порабощение женщин. И известно сколь умело рисуют и восхваляют философы богоборцы то дерзновенное, горделивое, надменное, тщеславное поведение своих псевдогероев. Творец рассматривал облики тех власть имущих, по мнению философов истинно обладающих властью и силой, видя их судьбы. К примеру, если господствующий человек склонен к воинственности, то он ско-

рей всего умрет, будучи убийцей на поле битвы, и в том нет никакой силы, но лишь злое нежелание жить миролюбиво со всеми. Если такой властолюбивый человек возлюбит славу, деньги и почет, то обуреваемый страхами разорения или забвения, будет много мучиться тою страстью. Если он будет наделен властью, то станет недоверчивым, подозрительным, боязливым, отчего боясь заговорщиков и предательства, и сна лишиться и покоя. Такие люди выглядят слабыми, тем паче слабы те, кто обещивает женщин, ради услаждения своих страстей, такие мужчины лишаются истинной духовной любви и чистоты, они больше теряют, нежели приобретают. В итоге всякий разумный человек различает то, что грехи ведут к бесчестию, ибо греховность это слабость. Только в миролюбивых праведниках девственниках чувствуется истинная сила духа и сила девственной плоти, они величественны пред всем миром.

Оглядываясь назад в прошлое, творец взирал на свою былую юность, примечая то, насколько глуп он был тогда, сколь неразумен. Когда-то он возлюбил деву музу, готов был всю свою жизнь посвятить ей одной. Прельщенный, одурманенный, обманутый ею, он готов был жить одною любовью к женщине, забывая обо всём прочем. Тогда он практически позабыл о Боге, о своем предназначении. Однако не для суеты он был создан, не для праздности, не для лени, но для души спасенья. Безусловно, любовь к деве дарует особенные творческие плоды, но они тленны, если жить подоб-

но сему, то в прах обратятся все труды творца, все его слова и мысли. В то время как женщина утратит свою красоту, состарится, перестанет быть музой. Так и всё земное есть суета сует, один лишь Господь достоин того, чтобы человек посвятил Ему всю свою жизнь, дабы возлюбить Бога более всего, более кого либо. Лишь вечность достойна разума мудреца. Любовь к женщине угасает, любовь к Богу бесконечно неугасима. Женщина однажды позабудет слова сердечные, она склонна не замечать, отвергать, проходить мимо. Но Господь принимает всех, кто чистосердечно искренно взывает к Нему молитвой, ибо у Спасителя все учтены, всё записано, ничто не забыто, никто не забыт. После сего разумения, далее творец даже не стал продолжать сравнивать любовь свою юношескую с нынешней истинной любовью. Ведь где Христос, там и Истина.

Свое вечное девство творец сохранил, впрочем, оберегает и ныне, ради Бога, дабы в невинности смиряя плоть и душу, посвятить себя всецело служению Господу. Однако в юности своей он хранил себя, свою девственность ради музыки. Сколь же обманывался он тем заблуждением, ведь именно женщина способна отобрать, лишить его сей добродетели, которую она по-настоящему не ценит в мужчине, только Господь истинно ценит девство, ибо Христос есть Перводевственник. Сколь же радостно мужчине стремиться быть похожим на Него, сколь благостно быть девственником. Девство есть великая ответственность, сколь и честное супружество, они

непреложны, нерушимы. Так творец решил для самого себя хранить девство своё, вручив себя не земным вещам, не земным печалям и горестям, но Богу. Ибо то девство истинно, которое освящено и благословлено Духом Святым. Ведь скверные помыслы, чувственные невольные прикосновения, славословия непристойные, всё сие нарушает, искажает девство. Девственность находит свой смысл и предназначение только в чистоте жизни. Оный непорочный выбор благороден, временами труден, порою подобен мученичеству, но часто изобилует помощью Божьей, без которой никакие искушения невозможно победить.

Творцу жизненно необходима была чистота разума души, для достижения мудрости, ведь многие известные мудрецы девственники возводили нравственность цивилизации, учили людей тому, как должно жить. Ибо лишь свободное разумение от мнимых мечтаний и желаний, может достигнуть высоты рассуждения о законах Божьих.

В том состояла суть жизненного пути творца, так протекало его ожидание встречи с Господом, к которой он неустанно готовился, духовно совершенствуясь.

Дабы последовать за Спасителем, необходимо отвернуться от всего соблазняющего, отказаться от всего суетного, от того потворства суете. Необходимо располагать, лишь нужными вещами, прочее вовсе не желать приобретать. От спиртного должно отвращаться, ибо из-за него только зло совершается и ничего доброго, как и всякое земное удоволь-

ствие, которое неумолчно склонно перерастать в страсти. Нужно позабыть всё сие, живя наслаждениями духовными, которые невидимы, но осознанны. Посему творец в который раз взирал на свою прошлую жизнь и не находил в ней глубокого смысла. Когда-то он любил музу, готов был назвать оное состояние сердца вечным и даже великим, единственно значимым в этом мире, однако всё это было сплошным самообманом.

Можно ли любить вечно то, что временно, что вскоре истлеет? Так цветок радует очи созерцателя, но затем он увядает. И вот прахом обратилась его былая красота, осталась лишь память о той красоте, но она не возвращает былое, лишь сохраняет смутный аромат прошлого. Однажды возродиться тот цветок, вновь засияет красками, но сколь долго ждать воскрешения из мертвых, сие неведомо созерцателю. Ведь и сам созерцатель смертен. Посему созерцание, возлюбившее Вечного Бога, не познает ни уныния, ни отчаяния, ведь и каждое мгновение своей жизни, можно обратиться к Господу. Размышляя о том, творец призадумался, вопрошая – неужели именно любовь к Богу наделяет его бессмертием. Если так, то возлюбивший временное и смертное, сам обращается в прах, но возлюбивший вечное, не умрет вовек. Вот сколь значительно обращение сердца человека. Оные выводы поражали творца, и в то же время виделись и понимались, вполне естественными законами мироздания.

Благо жизни постигается в любви к Богу, благо жизни по-

стигается в целомудренной любви к людям. Такова формула счастья. Именно в заповедях Божьих описан жизненный путь, ознаменованный вышним благом.

Возлюбив Бога всем сердцем своим, полюбишь и творения Его: людей, животных, птиц, насекомых, рыб и растений, стихийные перемены погоды, времена года, более не посмеешь вредить всему этому, тем паче не станешь оскорблять венец творения – человека. Подобно сему люди берегут картины художника, тем самым уважая и ценя творца сотворившего их, подобно и обращаясь с любовью и к его творениям. Но творений Божьих превеликое множество и всех их не узреть, не совершить добро для всех. Однако человеку велено совершать добродетели для всех тех, кои повстречаются ему на жизненном пути. Ведь в судьбе человека записаны определенные люди, о которых ему должно заботиться, помогать им, быть добродетельными с ними, их не так уж и много, они могут быть друзьями, родственниками, или же врагами, однако именно отношение к ним, раскроет какова душа человеческая, добродетельна она либо пустынна.

В жизни немалое значение имеет – разумность души, это когда телесные устремления и желания не доминируют над разумом человека. Сие высокоумие можно описать одним словом – целомудрие. Когда душа не омрачена страстью, а тело невинно бесстрастно, уста безмолвствуют, либо произносят только слова добрые, вот то поведение человека, которое привносит в жизнь спокойствие, миролюбие, благо-

денствие. Подобно сему творец странствовал по миру, постоянно мудрствуя, но не находя окончательного покоя, ибо столь надолго затянулся его поиск Бога, ожидание встречи с Ним томило его. Безусловно, творец молился Богу, и казалось нужно только протянуть руку, сделать шаг, и он окажется среди блаженных. Но, то время не наступало. Тот духовный мир он ощущал вокруг себя, видел, слышал, вот только слиться с тем горним миром он не мог. Видимо нечто мирское тяготило его душу к земле, и покуда он не раскрыл оную тайну своей души, не обрести ему покоя ни в нынешнем веке, ни в последующем.

Глава шестая.

Размышления о вечности

Доказательство бессмертия человеческой души состоит в том, что она не подвержена старению, она может положительно развиваться, также в обратную сторону деградировать, может чувствовать и может прибывать в бесчувствии, однако самоопределение личности души, уникальной и неповторимой, всегда одинаково безвременно. Душа не может умереть подобно телу, душа только может прибывать в процессе умирания в страданиях от страстей и грехов, которые убивают душу, но задача зла не уничтожить человека, а бесконечно его истязать и мучить страстями. Поэтому со-вратив человека, зло на том не успокаивается, а стремится возобновить грехопадение, вовлекая человека в замкнутый круг. После чего на душе появляются раны от грехов, которые человек совершает, нарушая заповеди Божьи. И зло ставит перед собой задачу сделать так, чтобы эти раны постоянно раскрывались, не заживали, дабы обильно кровоточили. Те раны, которые излечиваются раскаянием, превращаются в шрамы, кои служат напоминанием, либо вовсе изглаживаются. Только Господь полностью исцеляет шрамы души, врачует души с любовью.

Когда душа любит, она, прежде всего, любит души людские, потому-то все люди видятся бессмертными. Тот, кого любишь, никогда не умирает. Сие чувство вечности доподлинно ощущается, знанием и чувством принимается она истина. Спящий человек не говорит вслух, не выражает эмоции с помощью слов, но при всём этом мы не страшимся утратить душу человеческую, ведь знаем, человек скоро проснется, человек однажды воскреснет. Также и при исходе души из тела, не нужно оплакивать уход души, необходимо молиться о её спасении.

Сон это не временная утрата сознания, как видят люди, наблюдающие за спящим человеком. На самом же деле душа сновидца мыслит образами, посещает откровения и миры грез.

Душа не может умереть физически, но может постоянно умирать духовно. Над душою не властны физические законы, но властны законы духовные. Душа может прибывать в двух состояниях, в святости и бесстрастии, либо в греховности и страстности. Приобщение к Богу, стяжание Духа Святого, животворят душу, питая её словно от древа жизни, но грехи, супротив сему благу, истязают и калечат душу, вовлекают её в уныние. Ведь уныние это не только греховное чувство, но и итог всякого злодейства. Всякая сладость оборачивается горечью, ибо греховный поступок подобен плоду, который снаружи румян и сладок, но внутри него червь и гниль. И человек откусывая, видит приметы гнило-

го плода, а они видны всегда, то крохотное отверстие, через которое лукавый проник в деяние, в слово, или в мысль, и употребил сие во зло ради гибели человека.

Свобода души может быть разной и малопонятной. Душа свободна от людей, ибо скрыта в теле, однако в то же время проявляет себя через телесные движения, речь голоса, посредством творчества, через поступки, поведение, выбор, одним словом житие раскрывает душу потаенную в плоти человеческой. Душа не свободна от Бога, даже если она отвергает Творца, воля Божья и Его любовь от этого не умаляется. Заповеди дарованы душе, которые могут восприниматься как лишение свободы, на самом же деле они даруют свободу от греха, ведь греховность это покорение злу, и заветы сковывают скорее не человека, а зло в лице падших духов. Там, где исполняется закон любви, не нарушается заповедь Божья, но лишается свободы зло, а душа человека приобретает свободу. Пресыщение грехами не означает отказ от былого, а скорее угасание былой страстности, она попросту перерастает в привычку, здесь наступает слияние с грехом, отчего становится мнимой необходимостью. В то время как добродетели целомудрия и миролюбия, всегда нужно беречь и защищать, таким образом, определяется понятие сокровища, ведь драгоценное всегда требует бдения, в то время как греховность проявляется без видимых преград. Впрочем, не всё столь просто, ибо Божий промысел доступен лишь прозорливцам. Даже прямой путь к греху может быть прерван,

столь вездесуща любовь Творца. Не Бог наказывает, но человек, сотворив грех, сам себя наказывает, таков был вольный выбор человека, однако выбирая, он думает, что избирает удовольствие, но тем самым он ранит душу свою, тело своё истязает и ввергает в страдание. Грех породил болезни и смерть. Христос воскресил добродетель и жизнь. Отсюда следует: что греховно, то несвободно, что добродетельно, то свободно.

История человечества протекает в противостоянии греха со святостью, и святости с грехом. История человечества это история одной души. Мы приходим в этот мир, сражаемся с грехами и уходим с поля битвы победителями, либо побежденными. У человека не может быть иных врагов, кроме его собственной злой воли. Сей невидимая война добра со злом ежеминутна, ни в бодрствовании, ни во сне не скрыться человеку от козней дьявольских, и в одиночку его не одолеть. Только с Христом, только Его милостью враг будет повержен. Вот сколь важна каждая душа и все едино драгоценны. Спасение души есть единственный истинный смысл жизни человеческой.

Заповеди Божьи непреложны и абсолютны, идеальны и совершенны. Посему грех нельзя оправдать, потому, что оправдать его невозможно, ибо человеческой душе управляющей телом, дарована свободная воля, выбор между грехом и добродетелью, между милостью и убийством, между целомудрием и прелюбодейством, смирением и гневом, и так

далее. Нельзя значит нельзя, запрещено значит запрещено. Так нужно понимать заповеди Христовы, и не внимать человеческим послабляющим интерпретациям. Ведь зло вполне знакомо с текстом Евангелия, и употребляет своё знание для искажения слов евангельских ради посрамления человека. Оправдание – это выдумка человека обольщенного дьяволом, который может оправдать и убийство и войну, может оправдать блудодейство, назвав оный грех “любовью”, дьявол оправдает что угодно, лишь бы грешник не покался пред Богом, лишь бы повторил содеянное. Грех всегда есть грех, вне зависимости от ситуации или события, грех не зависит от времен и эпох. У души праведной выбора нет, у души праведной есть свобода добра, ибо заповедь добра дана всем, и властителям и подчиненным, богатым и нищим, монахам и людям мирским, это не простые слова, но нравственные законы души, её жизненные законы, своды жизни, столпы добродетели. У всякой души один Творец, Он заключил в состав души благо жизни, устав благости, естественное нравоучение, которое невозможно утратить, либо расточить, потому каждый человек принужден к спасению самим естеством своим богоизбранным. Ибо, что творит Господь, то божественно, таково наше божественное происхождение, таково светлое происхождение души. Изначальность нельзя оспорить, она есть данность и законность утвержденная Творцом.

Безусловность добродетели есть стремление к абсолютной

нравственности. Вечность это не неподвижность, наоборот, это постоянное тяготение души к Богу, непрестанная любовь к Творцу. Любя, будучи на земле, душа, приняв исход из тела, продолжит любить уже на Небесах, и, воскреснув, продолжит любить вечно. Это единственное, что вечно в человеческой душе, иное всё остается на земле, прекращается, забывается. Любовь порождает верность и жертвенность, посему необходимо жить по законам любви, иначе говоря, по заповедям Христовым, быть верным тем заветам праведной жизни. В то время как своеволие безбожия порождает порок, а любви противен грех, который является отступлением от законов любви. Посему верность есть постоянство любви. Верность Богу в каждом своём произволении, в каждом помысле и чувстве, ознаменует приближение души к Творцу.

Такова человеческая жизнь, таков человек, сотворенный совершенной любовью Бога, потому и создан он для любви. Любовь всегда добродетельна. Там где зло, там нет любви, но ненависть ко всему доброму.

Глава седьмая. Богоявление

Странствуя, творец постоянно мудрствовал, рассуждая о законах мироздания и правилах жизни. Всё сие казалось ему общепринятым, столь знакомым, но стоило ему подумать о собственной жизни, о своей душе, как вдруг, он останавливался, чувствуя себя глубоко несчастным человеком. Однажды он решил, что святость не привносит в жизнь мирское счастье, а радости в жизни мимолетны, греховность ведет к гибели и смерти, а наслаждения подвержены законам Божьим и близки к порокам, потому могут с легкостью перерасти в страсти. Жизнь есть благо, в то же время жизнь это страдание, оказалось, что на земле нет жизни без страдания, и нет жизни без благодати. Так суесловно земное бытие творец силился осмыслить. Он всё мечтал узреть свет божественный, как знамение, но не видел сего, много горюя о том. Он желал ступить по пути праведному, соблюдая все заповеди Божьи, однако, словно застывши на одном месте, никуда не двигался, либо видел множественность путей вводящих в сомнение. Познавши многие мудрости мира, он прочел все земные книги и одну божественную, тем самым желая обрести в душе своей истину, которая всего одна, и вроде бы найдена она, но не приняло сердце его ту истинную веру, дабы окончилось его скитание. Он видел множество разнообраз-

ных жизнью, ища свою собственную, но так и не нашел её, он впитывал в себя чужие повадки, знания, чужой выбор, падение, возвышение, но жизнь свою так и не снискал в чередѣ образов прошлого и будущего. Он желал встретить образ праведный, совершенный. И не находя много печалился о том. Из-за гордыни не искал он, себе вышнего учителя, полагая, что сам справится со всем тем, что мучает его, отчего терпел поражения, без учителя совершал ошибки, нелепые, глупые поступки. Он страдал от своей строптивости и сомнѣния. Мучился из-за того, что не ощущал подле себя мудрого и святого Господа, отчего не ведал, что такое смирение.

Ещё в юности прочитав Евангельские слова Нагорной проповеди, творец отыскал себе учителя в Боге Иисусе Христе, но вскоре, то откровение истины для него стало простым знанием, ибо он не исполнял заповѣданное, позабыл о молитве, должно не обращался к Господу, не благодарил Бога за всё. Очерствел душой, он метался из крайности в крайность, из гордости в кротость, и обратно, и всё начиналось сначала. Его сердце жаждало любви, но он не смог снискать себе деву по духу, которую он бы полюбил всем сердцем своим. Даже сдружиться ни с кем он не мог, отчего много горевал. Так текли годы, так люди, бывало, не замечают дни, не знают какой нынче день недели, а творец не знал какой нынче год, всё для него казалось малозначительным и пустым, всё земное было суетой сует, которая недостойна внимания.

Однажды странствуя по северным землям, творец разгля-

дел вдали возвышающийся крест, следуя за своим любопытством или идя на зов души, он приблизился к сему символу победы над смертью. Подойдя к кресту, он испытал благоговение. Распятие было старым, с виду необыкновенным. На том кресте были выдолблены почерневшие, но не выветренные временем следующие слова:

Я – Свет, а вы не видите Меня.

Я – Путь, а вы не следуете за Мной.

Я – Истина, а вы не верите Мне.

Я – Жизнь, а вы не ищете Меня.

Я – Учитель, а вы не слушаете Меня.

Я – Господь, а вы не повинуетесь Мне.

Я – ваш Бог, а вы не молитесь Мне.

Я – ваш лучший друг, а вы не любите Меня.

И если вы несчастны, то не вините Меня.

Сей откровенные простые слова, раскрыли всю правду о его жизни, об его бесплодных трудах и поисках, ибо только во Христе есть всё то, о чем он когда-либо мечтал.

Осененный Истиной, он вернулся к вековому дереву, где уже разрастался целый парк, напоминающий лес, дабы взмолиться там пред Господом: “Господь мой, я долго жил суетой мира сего, бродил по миру подобно неприкаянному, но Ты открыл мне Себя и я возлюбил Тебя. Все мои творения есть прах, все мои воздыхания и мечты это грезы и миражи.

Ты Творец всего сущего сотворил бессмертную душу мою, и я как творец, обладатель творческой силы сделаю её совершенной, ведь Ты указал мне путь заповедей твоих непреложных. Я буду совершенствовать себя и других научу тому же. Господь мой, я буду с верностью служить Тебе верою и правдой!”

Тут творца осенила вспышка белого свечения, отчего он проснулся, словно ото сна...

Миролюбов отворил свои заспанные очи, огляделся, но не увидел древа, он оказался посреди парка. Вокруг него множество разных деревьев. Видимо он заснул сидя на скамье с книгой в руках. И узрел загадочное видение, словно ему привиделась вся его прошлая жизнь, с её метаниями, гордостью и борьбой со страстями, только это было больше похоже на аллегорию, нежели чем на явь. Однако он отчетливо всё видел, всё чувствовал, будто то было на самом деле, впрочем, так оно и было. Ведь он жил горделиво и надменно, хотел жить лишь любовью к музе, творил и страдал, любил и писал стихи. Но затем всё переменилось, он был поражен, он узрел свет Божий и узнал всю правду о мироздании, как нужно жить и к чему стремиться. Всё это было, но что будет дальше – он не мог себе ответить. Однозначно впереди его ожидает долгий путь борьбы со злом, ибо в нем самом пока ещё остались некоторые страсти, которые ему предстоит одолеть. Ему предстоит беречь и умножать свои добродете-

ли, он будет проповедовать добродетели. О целомудрии и о девстве, о миролюбии и непротивлении, о нестяжательстве и безвластности он будет проповедовать своею жизнью. Его душа это отверстая книга, его душа это самое лучшее и единственное бессмертное его творение, которое на протяжении всей жизни ему поручено Творцом совершенствовать.

С оным благостным осознанием Миролюбов взглянул на открытую книгу, которую всё это время он держал в своих руках, и палец его лежа на странице, указывал на строфу из Откровения Иоанна Богослова. Он прочёл: “Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни...”

Целомудрие миролюбия. Книга первая. Творец.

*Года написания и собственного редактирования
2014-2019. Повторная публикация произведена в 2021 году
Автор книги Козлов Евгений Александрович.*

YouTube канал: Целомудрие миролюбия. [https://
www.youtube.com/channel/UCvx60B-iw9JCbCOPZUyXNfw](https://www.youtube.com/channel/UCvx60B-iw9JCbCOPZUyXNfw)

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.